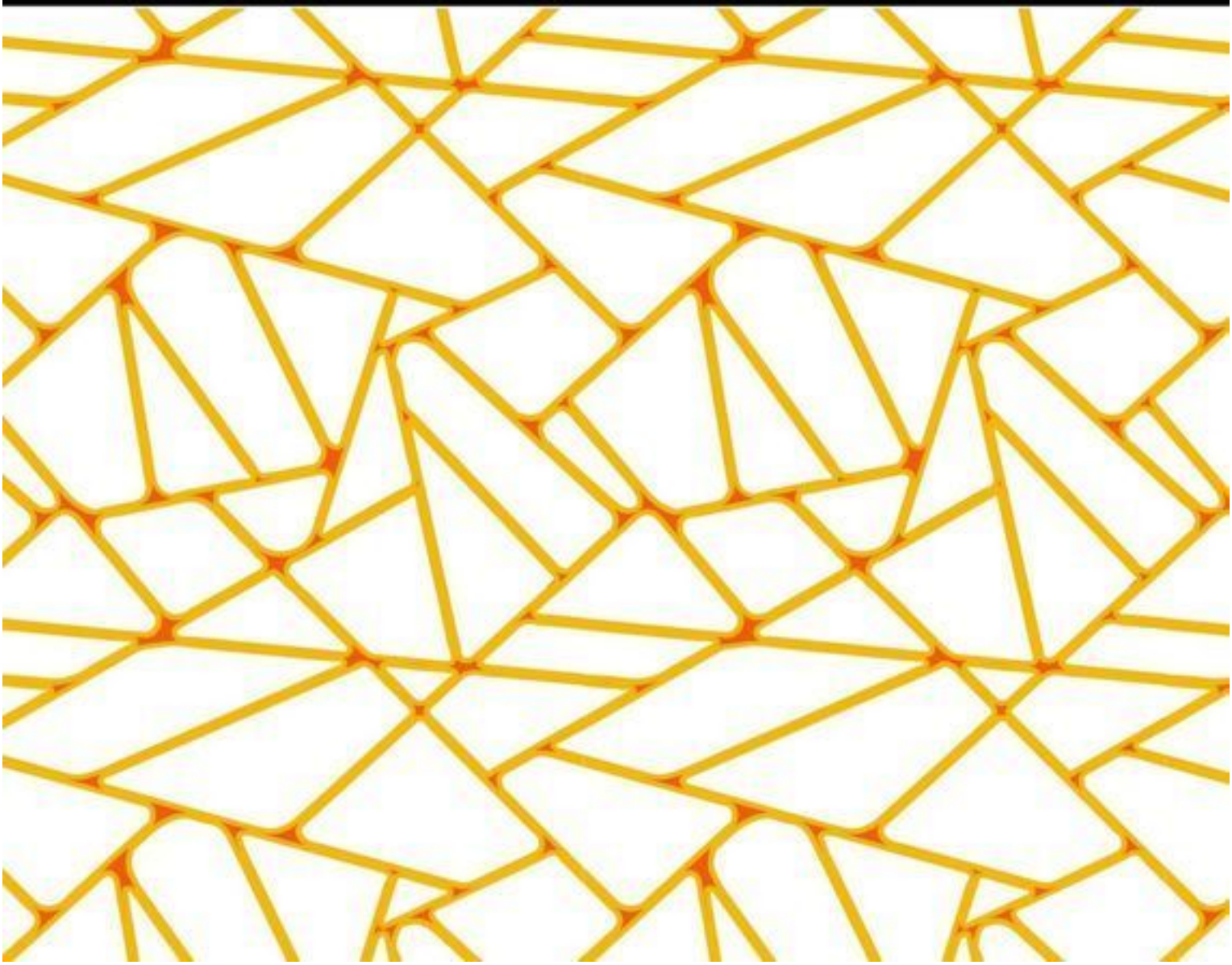
Юлия Петрова

Ночная охотница



Юлия Петрова

Ночная охотница

«Издательские решения»

Петрова Ю.

Ночная охотница / Ю. Петрова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743729-9

Настя, фантазерка и мечтательница, заканчивает восьмой класс общеобразовательной школы. Накануне пятнадцатилетия мозаика ее жизни состоит из тех же элементов, что и у миллионов других девчонок ее возраста: первые ухаживания мальчишек, отношения с друзьями, переживания из-за отношений родителей, попытки определиться с призванием.Однако все меняется, когда наступает ночь, и Настя улетает на огромной птице охотиться на фурхов — зверей, в которых превращаются злые людские мысли.

ISBN 978-5-44-743729-9

© Петрова Ю.
© Издательские решения

Содержание

1 6
2 9
3 14
4 16
5 19
6 24
7 29
8 32
9 36
10 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Ночная охотница
Юлия Петрова

© Юлия Петрова, 2016

ISBN 978-5-4474-3729-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Настя сидела на подоконнике, обхватив колени руками. За окном весело плясали снежинки, поблескивая в свете фонаря. Изредка на улице появлялись прохожие, спешившие домой в этот поздний час.

Приятно оставаться в теплой квартире, когда за окном воет метель. Тогда кажется, что ты самый удачливый человек на свете. Ведь ты мог бы быть там, по ту сторону стекла, где и темно, и страшно, и холодно, и одиноко. Хотя Настя и находилась в комнате совершенно одна, она не ощущала себя одинокой, – за стеной папа и мама смотрели телевизор, уверенные, что дочь спит в этот поздний час.

Еще двадцать минут назад Настя лежала в постели, медленно увязая в дреме, как муха в варенье. А потом вдруг сон пропал, и девочка помчалась к окну. Это уже случалось раньше, – мерещилось, будто на улице происходит что-то, что ей обязательно нужно увидеть. Что-то, на что она просто обязана взглянуть. Но, конечно же, ничего особенного там не происходило. Обычная улица в центре провинциального городка, обычные пятиэтажки напротив, обычный свет обычных фонарей.

Только Настя всегда верила, что необычное – вот оно, уже совсем близко, буквально за соседним углом, ждет ее, загадочно улыбаясь. Девочка и понятия не имела, какое оно, и что такое это оно, однако откуда-то знала, что оно придет. Настя ожидала его по дороге домой из школы, уставившись в темноту ночью в своей кровати, сидя за уроками, когда никого не было дома.

Ей казалось, и сама она необычная. Настя часто представляла, что она заколдованная принцесса, которая забыла, где ее дворец. Еще в раннем детстве в своих фантазиях она была сестрой Весны, посланной на Землю, чтобы помочь ручьям. И тогда Настя разбивала лед сапогом, чтобы вода поскорее растопила снег.

Через некоторое время плечо, которым девочка прислонилась к стеклу, внимательно рассматривая улицу в поисках чего-то, о чем она не имела никакого представления, замерзло. Настя вздохнула и стала медленно сползать с подоконника. Вдруг боковым зрением она заметила какое-то движение возле дома напротив. Резко повернувшись к окну, девочка увидела черный шлейф, мелькнувший и скрывшийся за углом.

Настя долго смотрела на угол пятиэтажки, надеясь найти ответ на вопрос о том, что же это было. Ответ не находился.

– Кошки, просто несколько кошек, бегущих друг за другом, – шептала она, пока плелась к кровати.

А потом наступил самый заурядный понедельник. Первым уроком в 8 б была биология, и необычная Настя получила обычную четверку. Биология вовсе не являлась ее любимым предметом – вид клеток лука через стекло микроскопа не вызывал щенячьего восторга, как у Верки с третьей парты, насекомые казались ей похожими злобных пришельцев из фильмов ужаса, а бабочки и вовсе заставляли содрогаться от отвращения.

Даже математика, дающая мало простора воображению, увлекала Настю гораздо больше, чем биология. Ей нравился скрип шестеренок в голове, пытающейся найти ответ сложной задачи. Однако ничто не могло сравниться с удовольствием от уроков русского языка и литературы.

На прошлой городской олимпиаде по русскому Настя заняла второе место. Если бы не помешала невнимательность, из-за которой в работу вкралась досадная ошибка, то заняла бы первое. Но все равно, было приятно получать поздравления и чувствовать себя особенной. А литература… Литература позволяла фантазировать и размышлять о поступках людей. То есть делать именно то, что всегда доставляло Насте наслаждение.

За весь долгий школьный день не произошло ничего особенного. Ну, не считать же особенным то, что Насте пришлось заниматься на физкультуре в носках, потому что она забыла кроссовки.

По дороге домой девочка в который раз рассматривала дома, расположенные вдоль Школьного переулка. Она придумывала истории про людей, живущих в них. Вот в той развалюшке наверняка обитает старушка, наблюдающая из-за тюлевой занавески за детьми, которые носятся на переменке по школьному двору. Может быть, у нее тоже есть внук – где-нибудь там, в крупном городе, где не бывает развалюшек на центральных улицах. Бабулька варит по утрам овощной суп и надеется, что летом родители привезут внука к ней, и она будет гулять с ним по улицам, и соседи увидят, что вовсе она и не никому не нужная старуха.

Настя не успела додумать историю до конца, переулок закончился, и девочка вышла на свою улицу, где не было частных домов, овеянных романтическим ореолом сочиненных ею историй.

Когда Настя открыла дверь в свою квартиру, то сразу же поняла, что у мамы уже закончился обед. Что-то было такое в атмосфере помещения, что позволяло безошибочно определить – дома никого нет. Какая-то особенная тишина, лишенная людских флюидов, наполняла тогда комнаты. Девочка могла сразу сказать, что кто-то присутствует в квартире, даже если этот кто-то не производил ни единого звука. Она не задумывалась, как именно ей становится это понятно. Эта способность казалась совершенно естественной.

Настя поставила суп на плиту разогреваться и переоделась в топик и шортики. Она задержалась, проходя мимо зеркала. Все-таки хорошо, что она такая худенькая. Вот не повезло Таньке из их класса с ее огромными толстыми ручищами и похожим на румяный блин лицом. Настя подошла ближе к зеркалу и подумала, что ее собственный нос то мог быть и поизящнее, а глаза – больше. Девочка взяла с трюмо карандаш и начала рисовать длинные стрелки.

– Вот так-то лучше, – вслух произнесла Настя и улыбнулась собственному отражению.

В этот момент послышалось шипение, – это вскипел и начал выползать из кастрюли суп.

Через пару часов уроки были сделаны, и Настя помчалась к подруге. Ленка из параллельного класса жила в частном секторе, недалеко от леса – там, где заканчивался их маленький городок. Подружка надела пуховик и шапку, и девочки, не сговариваясь, отправились на пеньки, расположенные на первой от леса улице. Летом они засиживались здесь до самого вечера, ведь в нескольких метрах от пеньков собирались ребята из старших классов. Мальчишки копались в мопедах, громко смеялись, курили и иногда снисходили до шуточек в адрес восьмиклассниц.

Зимой, конечно же, на поляне не было ни ребят, ни мопедов, ни смеха, но девочек тянуло сюда как магнитом.

– А помнишь, Сашка весь вечер нам подмигивал. Как ты думаешь, с чего это он?

Да-да, Лена помнила каждый знак внимания, оказанный ей мальчишками на этой лесной улице. Ничего удивительного – просто ей было 14 лет, так же как и Насте, которая помнила все эти знаки внимания не менее отчетливо.

Как ни волнительны и приятны были воспоминания о минувшем лете, высидеть на холодных пеньках больше 15 минут девочки не смогли. Они поднялись, отряхнули снег с пуховиков и отправились бродить по окрестным улицам, болтая без умолку. Подруги расстались лишь после того, как вся тушка вкусных сочных девчачьих новостей была обглодана, обсосана каждая ее косточка.

Подходя к дому, Настя подняла голову и посмотрела на окна своей квартиры. Свет горел только в кухне – скорее всего мама готовила ужин. Наверняка папа, как обычно в последнее время, задержался на работе. Поднимаясь по ступенькам на свой этаж, Настя

думала о родителях. Иногда они напоминали ей механических кукол, которые, согласно заложенной в них программе, выполняли одни и те же действия каждый день. Они даже слова говорили одни и те же.

Настя представила, как она войдет сейчас в квартиру, из кухни появится мама и скажет: «Привет, Настюш. Уроки сделала? Мой руки, иди ужинать».

Нет, ритуалы – это замечательно. Они, говорят, укрепляют семью и успокаивают нервы. Но неужели не скучно каждый день шагать по одному и тому же маршруту, годами выполнять одну и ту же работу, встречать дочь одними и теми же словами. Девочке казалось, что уж она-то живет яркой жизнью, полной самых неожиданных событий. Настя совершенно не принимала во внимание тот факт, что большинство из этих событий происходят не в реальной жизни, а у нее в голове, благодаря ее чрезвычайно живому воображению.

Когда Настя вошла в квартиру, то увидела, что мама уже в коридоре, что уже само по себе являлось нарушением шаблона. Обычно мать неспешно завершала то дело, которым она занималась на кухне, и лишь после этого встречала того, кто вернулся домой. Не успела Настя удивиться, как мама сказала:

– А это ты. Есть хочешь? Я не успела приготовить, сейчас пельмени сварю.

Настя не включила почему-то свет в коридоре. Но даже в полутьме она разглядела, что лицо у мамы выглядит осунувшимся и расстроенным. Маму было очень жаль, хотелось чем-то помочь. Однако сделать самое естественное – просто подойти и обнять – Настя не могла. Как будто для этого нужно было пробить стену лбом. Как будто какая-то вязкая и липкая субстанция мешала сдвинуться с места.

Не уметь открыто выражать свои чувства – серьезный ли это недостаток? Девочка все чаще думала об этом. Впрочем, могла ли она быть его лишена в семье, где никто не выражал свои чувства открыто…

2

Ночью Настя снова проснулась с ощущением, что должно произойти что-то экстраординарное. Девочка несколько секунд лежала, уставившись в потолок. Она и не заметила, что в комнате стало темнее, чем обычно. Свет уличного фонаря, расположенного в нескольких метрах от пятиэтажки, проникал с наступлением вечера в окно спальни, рисуя светлые квадраты на стене. Настя перевела взгляд на стену. Самый крупный квадрат был кривой, внизу его загораживало что-то крупное. Откуда что-то крупное на подоконнике?

Настя рывком поднялась и села на кровати. Сердце колотилось, пытаясь выскочить из грудной клетки. Однако причиной был не испуг, а волнение. Настя подумала, что это и есть столь долго ожидаемое «необычное», которое просто обязано было появиться в ее жизни. Ей померещилось, что на подоконнике сидит огромная птица. Но ведь этого не могло быть. Во-первых, пернатых, совпадающих по длине с шириной окна, в средней полосе не бывает. А если и бывает, то они никак не могут оказаться в квартире. Такая птичка просто не пролезла бы в форточку. Да и форточка то закрыта.

Настя медленно и нерешительно направилась к окну. В этот момент птица расправила крылья и слетела с подоконника на пол. Настя от неожиданности ойкнула. Крылатый гость замер. Свет фонаря позволял видеть, как блестят глаза птицы, как идеально приглажены ее темные перья. В остром и на вид пугающе крепком клюве болталось что-то похожее на мешок. Настя присела на корточки. Птица повернула голову и выпустила из клюва мешок. Бесформенная серая тряпка легла на пол у ног девочки.

– Это мне? – шепотом спросила Настя.

Птица ничего не ответила (А если бы ответила, упала бы Настя в обморок или нет?), она опять замерла как каменное изваяние, изображающее птицу из сказки. Настя взяла мешок в руки, не решаясь открыть. Она снова посмотрела на птицу, пытаясь разглядеть поощрение или предостережение в ее блестящих глазах. Однако довольно сложно рассмотреть в темноте, как к твоим поступкам относится невесть откуда взявшаяся гигантская птица, которая, может быть, и вовсе была частью причудливого сна.

Причудливые сны. О! В этом Настя знала толк. Во сне она спускалась под землю к тамошним местным жителям, разговаривала с животными, бродила в сказочном лесу с деревьями, умеющими передвигаться с места на место.

Настя подумала, что раз это сон, то ничего страшного не произойдет, если она все-таки посмотрит, что в мешке. Девочка засунула внутрь руку и вытащила длинные перчатки из жесткого блестящего материала. Птица чуть склонила голову в сторону, продолжая смотреть на Настю ничего не выражающим взглядом.

Ткань, из которой были сделаны перчатки, походила одновременно на кожу, резину и шелк. В пальцах, касающихся странной вещицы, чувствовалось покалывание. Настя натянула перчатки, покалывание прекратилось. Теперь руки девочки были закрыты почти до локтя. Она представила, как забавно она выглядит в ночнушке и темных блестящих перчатках до локтя.

Птица немного прошлась по комнате, остановилась почти у самого окна и присела. Ее поза красноречиво говорила о том, что пернатая гостья желает, чтобы Настя уселась на нее верхом. Девочка колебалась – птица, конечно, была чертовски здоровущая. Но выдержит ли она ее? Навскидку Настя смогла вспомнить лишь Икара, из тех, кто пытался передвигаться по воздуху с помощью птичьих крыльев. Ну, и чем все закончилось? Вот. То-то и оно. И потом, куда она собралась лететь? Ночью. Зимой. В метель.

Настя медленно опустилась на птицу, страшась раздавить ее. Она удивилась, что пернатая оказалась такая твердая, будто сделанная из железа или из… Настя не успела доду-

мать мысль до конца – птица рванула в окно, прямо в стекло. Девочка судорожно вцепилась в перья и прижала голову к птичьей шее.

Настино живое воображение мгновенно нарисовало картину – ярко красные полосы, оставленные битым стеклом на коже, переворачивающееся в воздухе тело, льдинки в волосах и на коже через несколько минут после… Прошло уже явно больше мгновения, а удара, в ожидании которого тело напряглось как струна, все не было.

Настя разжала веки и еще крепче прижалась к птице – они летели, летели над городом, над пятиэтажками и запорошенными снегом деревьями, над проводами и над проезжей частью. Шок, мешавший Насте соображать, длился еще несколько минут. Постепенно здоровое любопытство начало вытеснять страх. Девочка чуть ослабила хватку, потом осмелела настолько, что подняла голову.

Еще через десять минут Настя подумала, что должна была уже давно окоченеть. Но нет, она не чувствовала холода. Настя слышала, как шумит ветер, но не ощущала его кожей. Ее тело не испытывало ничего, совсем ничего, будто бы она была облаком – невесомым облаком без нервов и кровеносных сосудов.

Прошло еще примерно полчаса, и Настя совсем привыкла к полету и даже начала им наслаждаться. Она все еще опасалась, что свалится и разобьется, но уже не цеплялась судорожно за шею птицы, а обозревала окрестности. Такие знакомые улицы и дома выглядели с высоты птичьего полета совсем по-иному – как будто там, внизу, простирался не родной город, где прошли все 14 лет Настиной жизни, а какое-то совсем незнакомое сказочное место.

Может быть, дело было в снежных шапках на кустах и деревьях, частных домиках и хрущевках, которые с земли кажутся совсем другими? С высоты шапки были похожи на маскировочные покрывала, которыми кто-то укрыл весь город, чтобы скрыть его истинный облик.

Птица, будто бы почувствовала, что Настя привыкла к высоте. Теперь она летела гораздо ниже, на уровне вторых этажей. Только сейчас девочка увидела, что пернатая держит в клюве тот самый мешок, в котором раньше лежали перчатки. Когда она успела схватить его? Настя не помнила.

Они медленно кружили во дворах, последовательно исследуя их один за другим. Было очевидно, что птица что-то ищет.

– Что-то, чему место в мешке, – прошептала Настя.

В этот самый момент птица резко начала снижаться. Девочка снова вцепилась ей в шею изо всех сил. И тогда она увидела их… – тех, кого они, как оказалось, искали. Непонятно, откуда они появились – эти странные, не виденные Настей прежде животные, размером чуть меньше кошек. Их длинные серые тела блестели в свете фонарей. Казалось, они вымазаны в клее или какой-то другой вязкой и склизкой субстанции. Тонкие хвосты извивались, болтались беспорядочно, в то время как животные неслись куда-то стайкой, состоящей из семи особей.

Птица летела теперь уже над ними, и Настя нерешительно протянула руку, чтобы схватить одно из животных. Птица снизилась еще больше, как будто поощряя девочку быть решительнее. Настина рука сомкнулась вокруг туловища одного из маленьких бегунов, который тотчас же начал неистово извиваться и шипеть. Рассматривать непонятных склизких тварей совершенно не хотелось, Настя желала лишь поскорей покончить со своей невероятной, невесть откуда свалившейся на нее обязанностью.

Девочка неуклюже и неуверенно хватала животных и опускала в мешок, иногда это удавалось ей лишь с пятой попытки. Когда на свободе остались всего три особи, задача усложнилась. Отвратительные зверьки кинулись в разные стороны, но птица молниеносно догоняла каждого из них. Вскоре все темные уродцы были упрятаны в мешок.

– Ну, и кого это мы наловили? – спросила Настя, когда все было кончено.

Птица, разумеется, не ответила. Она быстро набрала высоту и полетела по направлению к дому новоявленной охотницы. Когда до Настиного окна оставалось всего пару метров, девочка невольно зажмурилась, снова ожидая удара об стекло. Однако перед тем как сомкнуть веки она успела отметить про себя, что в соседнем окне – там, где находилась в их квартире кухня – горел свет. «Сколько же сейчас времени?» Мысль как тень промелькнула в сознании Насти и исчезла.

Девочка почувствовала, что птица приземлилась. Теперь Настя отважилась открыть глаза. Как только она спрыгнула на пол своей собственной спальни, пернатая взвилась и исчезла, просто исчезла вместе с мешком. Девочка зажмурилась и потрусила головой.

Приснилось? А сейчас это сон или уже нет?

Настя сидела на кровати, всматриваясь в светлый квадрат окна на противоположной стене. Стекло цело. Все было как обычно, если не считать сомнений в том, что все произошедшее – это сон.

Утром Настя брела в школу по темным улицам и думала о том, что ее живое воображение снова сыграло с ней шутку, подарив один из тех снов, которые наверняка не снятся ее соседу по парте Димке. Ему, Настя не сомневалась, каждую ночь снятся мотоциклы, ну, или футбол. Да и подруге Ленке вряд ли бы такое приснилось. Если ей рассказать про птицу, она, скорее всего, произнесет с пафосом: «Настя, тебя нужно показать хорошему психиатру».

Настя чувствовала себя разбитой, такой уставшей, будто бы часть ночи… пыталась усидеть на огромной птице и ловила животных неизвестного происхождения. Впрочем, усталость можно было списать и на беспокойный сон, холодное темное утро, перспективу высидеть два урока физики.

С утра была алгебра. Учительница продиктовала несколько номеров задач из учебника, попросила не шуметь и ушла по срочному, по ее словам, делу. 8 б просьбу проигнорировал – шум в классе поднялся практически сразу. Некоторые ученики, конечно, честно взялись за задачи – некоторые с тяжелым вздохом, другие – те, которые надеялись улучшить свою оценку за четверть с помощью этой проверочной работы, – с энтузиазмом. Первые очень быстро присоединились с той половине класса, которая и не думала ничего решать.

Настя относилась ко второй группе – пятерка по алгебре в четверть все еще была реальна. Девочка постаралась погрузиться в решение задач, насколько это вообще было возможно в таком шуме. Задания оказались, в общем-то, несложными. Сложно было сосредоточиться и не допустить ошибок. Настя грызла ручку, проверяя решение первой задачи, когда учебник вдруг отпрыгнул на самый конец парты.

Прошло пару секунд, пока она сообразила, что книга сделала это не самостоятельно. Димка, сосед по парте, весело смеялся на весь класс, будто-то бы совершил нечто невесть какое остроумное. Настя молча постучала ручкой себе по голове, пытаясь выразить посредством жеста мнение об умственных способностях одноклассника, вернула учебник на место и вновь погрузилась в решение задачи.

Еще через минуту книжка улетела на пол. Настя начала злиться.

– Какого черта? Димка, отстань.

Димка продолжал веселиться, реакция соседки по парте ему явно нравилась.

Когда книжка приземлилась на пол в пятый раз, Настя вскипела. Ее просто подбросило на стуле. Девочка схватила Димкин учебник и швырнула его в сторону. Раздался звон стекла. Злополучная «Алгебра» угодила прямо в окно. В классе в тот же миг установилась мертвая тишина, которая в течение целой минуты не прерывалась ни единым звуком.

Танька с предпоследней парты молча встала и задернула занавеску. Все по-прежнему молчали.

Через три минуту в класс вошла математичка, собрала проверочные работы у тех, кто их все-таки выполнил, и продолжила урок. Урок был самым обыкновенным – Вовка пытался решать задачу у доски, Витька горячо за него болел и старался подсказать. Остальные, опустив головы в тетради, работали на местах. Однако какое-то напряжение явственно ощущалось в воздухе. Казалось, что, если поднять руку и поводить ею над собой, то можно было пощупать тревогу.

На перемене все делали вид, что им весело.

– Настька, ну, ты бандитка. А еще примерной девочкой считаешься. Это ж надо, стекла в школе бьет.

Настя тоже пыталась делать вид, что ей весело, но улыбка получалась кривой, и было страшно. Она не представляла, как скажет маме, что разбила в классе окно, как объяснит, что это произошло случайно. Мама и так в последние дни все время расстроенная и бледная, а тут она, Настя, в хулиганки заделалась.

Потом начался русский язык, который вела их классная руководительница. Время тянулось мучительно медленно. Настя с удовольствием бы окунулась в мир занимательных правил и упражнений, но страх мешал сосредоточиться, мешал думать, мешал понять, что поступок просто по определению не может остаться тайной для математички.

Вскоре в дверь постучали, и вошла Ольга Федоровна, с которой 8 б расстался всего двадцать минут назад. Она молча обвела класс глазами, затем сказала:

– Встаньте, кто это сделал.

Удивительно, но Настя даже испытала какое-то облегчение, и с готовностью встала.

Классная руководительница подняла брови.

– Настя? Что произошло?

– В моем классе разбито окно. Они скрыли этот хулиганский поступок – закрыли разбитое стекло шторкой. Сейчас у меня был урок в 8 а, и стекло посыпалось, – объяснила Ольга Федоровна.

– Настя, ты разбила окно?

Вопрос классной руководительницы прозвучал так, будто бы она спросила: «Настя, у тебя вырос хвост?»

– Как это произошло?

– Учебник попал в окно, – едва слышно проговорила девочка.

– Ну вы подумайте только! Вместо того чтобы решать проверочную, они кидались учениками, – Ольга Федоровна явно начала звереть.

– Как это произошло? – повторила классная.

Настя молчала, опустив глаза в пол. Медленно поднялся Димка. В течение нескольких секунд стояла абсолютная тишина.

– Это был мой учебник, – наконец произнес Димка. – Я сбросил Настин на пол, ну, она и завелась.

Ольга Федоровна набрала побольше воздуха, собираясь разразиться гневной тирадой.

– Оба в коридор! – коротко скомандовала классная руководительница.

Учительницы покинули класс. Настя вышла из-за парты и побрела за ними. Димка неохотно пошел следом. Он пытался делать вид, что все происходящее его мало заботит, но даже кактусу на окне было абсолютно ясно, что это напускное.

– Итак, – сразу к делу перешла классная руководительница Зоя Михайловна, – до конца недели стекло должно быть на месте. – Мне неинтересно, как вы будете это делать. Время пошло.

Учительницы отправились в свои классы. Настя и Димка молча стояли в коридоре.

– Давай к завхозу подойдем, – первой нарушила молчание Настя.

– Пошли, – без энтузиазма поддержал Димка.

Завхозом в школе работал дедулька со второго этажа того самого дома, где жила девочка. Не то чтобы Настя надеялась, что он по-соседски поможет, но с чего-то нужно ведь было начинать.

Дверь в коморку, где обычно Петр Васильевич хранил инструмент, иногда строгал что-то или просто читал газету, была закрыта. Дети вернулись в класс.

Началась перемена.

– Настюха, айда окна бить.

8 б упражнялся в остроумии, никто будто бы и не понимал, что Насте сейчас не до шуток. Она подумала о том, что эти же самые люди испугались за нее всего час назад, и если бы она сама не призналась, то никогда бы ее не выдали.

Настя даже споткнулась по дороге к своей парте, так поразило ее открытие, сделанное только что. Оказывается, большинство людей не являются хорошими или плохими. Люди… всякие. В них столько намешано, что всякая там психология превращается в науку не о чем. Всю эту мешанину просто невозможно систематизировать.

Настя продолжала размышлять о своем открытии и по дороге домой. Она вспомнила соседа по площадке, дядю Петю, который спас котенка, вырвав его из рук малолетних мучителей. И этот же дядя Петя не менее раза в неделю орал на жену и лупил детей так, что сбегались не только жильцы смежных квартир, но и соседи, живущие на других этажах. Настя пыталась понять, как происходит эта смена добрых и злых настроений в душе человека, где хранятся все эти плохие и хорошие намерения, и что определяет выбор между черным и белым в каждом конкретном случае.

Ее мысли прервал легкий толчок в спину. Настя обернулась.

– Димка, напугал. Тебе ж вроде не в эту сторону.

– Я что подумал, давай рудакам ничего пока не будем говорить. Я брата попрошу со стеклом решить или что-нибудь еще надумаю. Если до завтра ничего не получится, тогда уж будем сдаваться по полной.

Настя нерешительно повела плечами. Разумеется, ей, так же как и Димке, не хотелось ничего объяснять дома по поводу разбитого окна. Только тайное ведь в большинстве случаев становится явным.

– Хорошо, но только до завтра, – наконец произнесла она.

– Конечно-конечно! Ну, я пойду к брату зайду. Пока.

3

Все эти «оконные» волнения заставили Настю на время забыть о ночной птице – то ли невероятном чуде, то ли волшебном сне. Девочка все больше склонялась к последней версии. Ну, в самом деле, это не могло быть правдой. Она бы замерзла в одной сорочке зимой на улице. Она бы не отважилась ловить таких мерзких тварей. Она бы визжала от ужаса, если бы ей пришлось прикасаться к ним. Она бы… Аргументы, которые приходили Насте в голову и были призваны доказать нереальность всего происходящего ночью, почему-то не убеждали до конца. Мешало ощущение, что началась другая жизнь, ощущение, что то, чего Настя ждала так долго, пришло, наконец.

Когда мать позвала ее ужинать, девочка все еще оставалась во власти странного возбуждения, связанного с мыслями о птице. Настя была уверена, что не уснет сегодня, что будет ждать свою ночную гостью. Потом ей вдруг пришло на ум, что мама наверняка заметила уже, что дочь витает где-то в облаках. Вопросов хотелось избежать.

Когда Настя подняла глаза от тарелки и взглянула матери в лицо, то увидела там… ничего. И это «ничего» пугало. Они находились рядом, совсем близко друг от друга, и одновременно страшно далеко. Мамино лицо походило на безжизненную маску.

Часы над столом размеренно отстукивали секунды, Настя все смотрела маме в лицо. Мать сидела на табуретке, уставившись в одну точку, не замечая взгляда дочери.

– Ма-а-а, – протянула Настя.

Маска слегка вздрогнула, во взгляде появилась тень жизни.

– Настюш, еще макарон?

– Мам, папа сегодня опять будет поздно с работы?

Маска снова вздрогнула. Всего на долю мгновения Насте показалось, что мать собирается расплакаться. Но вместо этого маска вновь окаменела. Мама встала и отвернулась к плите, взяла ложку, стала помешивать что-то в кастрюле.

– Да, у него много работы в последнее время, – абсолютно ровным и спокойным голосом ответила она.

Настя подумала, что можно бесконечно беспокоиться о родителях и подозревать, что что-то происходит, и хотеть помочь. Однако броня маминого безупречного воспитания и железной выдержки ни за что не допустит чьего-либо вмешательства и помощи.

Вечером Настя отправилась в постель с уверенностью, что будет ждать птицу. Однако девочка провалилась в сон, еще до того как голова коснулась подушки. Ей показалось, что практически сразу же наступил новый день с его заботами и тревогами.

Папа собирался на работу, когда заспанная и лохматая Настя вышла из своей комнаты.

– Как в школе, малыш? – вместо приветствия спросил с улыбкой отец.

– Все путем, – ответила Настя.

«Не считая разбитого окна», – подумала она про себя.

– Ну и умничка, – довольный отец погладил ее по голове и помчался на кухню.

«Когда он, интересно, спит вообще», – мелькнула мимолетная мысль. «Я иду вечером в кровать – его нет дома, я просыпаюсь – он уже уходит». Однако долго размышлять на эту тему времени не было, – Настю ждала школа, разбитое окно и Димка с хорошими или плохими новостями.

Однако сосед по парте не торопился ее огорчить или обрадовать, – время неумолимо приближалось к звонку на первый урок, а его все не было. Димка явился лишь вслед за Марьей Аркадьевной – старенькой учительницей химии, которая, впрочем, к опозданиям относилась вполне снисходительно.

Он уселся как ни в чем не бывало и стал внимательнейшим образом слушать объяснение нового материала. Сначала Настя терпеливо ждала, потом начала бросать на него красноречивые взгляды. Ничего не помогало. Все это выглядело так, будто Димка неожиданно воспылал любовью к химии и боялся пропустить что-нибудь из того, что говорила учительница. Это было тем более странно, так как обычно он на этом уроке был занят тем, что рисовал роботов в тетради или болтал с Витькой, который сидел позади.

– Что сказал твой брат? – прошептала Настя, пододвинувшись поближе к соседу по парте.

– А…? – будто бы нехотя отвлекся от объяснений учительницы Димка. – О чем ты?

Настя слегка подпрыгнула на стуле.

– Димка, ты что, совсем не помнишь о стекле? У тебя крыша поехала?

– Нефёдова, у тебя какие-то более важные дела, чем новый материал по химии?

Настя и не заметила, как учительница оказалась возле их парты. Первым порывом было ответить «Да-да, более важные». Однако здравый смысл возобладал – Настя промолчала.

– Марья Аркадьевна, Нефёдова не поняла последнюю формулу и попросила меня объяснить, – вмешался Димка.

Класс разразился хохотом. Разгильдяй Димка вряд ли вообще знал хотя бы одну формулу по химии, а серьезная Нефёдова вряд ли нуждалась в объяснениях. Даже учительница улыбнулась. Урок продолжился.

Настя решила дождаться перемены, чтобы высказать Димке все, что она о нем думает. А может лучше с ним не разговаривать вообще? Зачем тратить слова на безответственного болвана? Настя хмурилась.

– Да ладно, не напрягайся так. После уроков братан явится со стеклом. Проблема решена.

Димкина улыбка от уха до уха просто не могла не поднять настроение.

– Ну что, разбойники, показывайте, где окно.

Вася оказался совсем не похожим на своего брата Диму, хотя бы потому что казался серьезным и собранным. Он пришел вовремя, принес инструменты и стекло. Парень приступил к работе сразу же, после того как деловито осмотрел оконный проем.

Настя уселась на свою парту. Говорят, если сидеть на столешнице, то день плохо закончится. Чепуха. Приятно наблюдать за работой другого человека, болтая ногами и ни о чем не думая. Хотя нет, Настя подумала все же о том, что Вася и Дима имеют кое-что общее – слегка оттопыренные уши. Девочка улыбнулась.

– А чего вы, собственно говоря, здесь сидите. Вы думаете, без вашего присмотра я никак не справлюсь?

Настя с Димкой переглянулись.

– Хотите посидеть, дуйте в кафе-мороженое.

Видимо, Васю раздражало их пристальное внимание.

– А что, Насть, может правда в кафе?

Димка подмигнул.

Девочка подумала, что вот сейчас, наверное, должны прозвучать фанфары. Исторический момент – молодой человек впервые приглашает ее в кафе. Это почти как первый поцелуй. Только это вовсе и не молодой человек, это Димка, сосед по парте, пытается загладить вину.

– Димка, не парься, я и так буду давать тебе списывать, – засмеялась Настя и засобиралась домой.

4

Настя зубрила физику, сидя на подоконнике. Физика не будила воображение, не захватывала, даже не вызывала любопытства. Единственный выход – как можно скорее выучить нужный параграф, как стихотворение (пожалуй, даже как японское стихотворение на языке оригинала), и забыть его, как только закончится урок. Настя прочитывала несколько предложений, а затем старалась повторить их, одновременно любуясь заснеженным городом. Однако любоваться заснеженным городом было гораздо увлекательнее, чем повторять абзацы из учебника (тем более из учебника физики).

Окутанный снежной дымкой лес вдалеке навевал какое-то радостно-тревожное настроение. Он как будто намекал на то, что сказка все-таки существует, что мир все-таки не без чудес. Загадочный, непременно скрывающий нечто волшебное, он казался границей, за которой заканчивается реальность. В настоящий момент реальностью являлась физика, а еще тот факт, что ее, Настю, должны были вызвать на следующий день к доске.

Девочке пришло в голову, что можно законспектировать основные мысли из параграфа, чтобы сложился план, который поможет ей запомнить неинтересную информацию.

Настя спрыгнула с подоконника и побежала в спальню родителей, чтобы взять из папиного ящика лист А 4. Писать план на обычном листке из тетради почему-то казалось скучным. А может быть, просто хотелось потянуть время, отдохнуть от ненавистной физики.

Настя сунула руку в ящик и вытащила сразу несколько листов. Между ними оказалась фотография молодой женщины, которую девочка никогда до этого не видела.

Первым порывом было отнести снимок в коробку для фотографий, а первой мыслью – что на фото какая-то родственница. Но как только Настя сделала шаг в сторону зала, в голове, как бабочки ночью возле лампы, закружились, заметались мысли. Кто положил снимок в пачку с бумагой? Его пытались спрятать? Кто эта женщина? Ни она ли появилась в жизни их семьи под кодовым названием «вечерние совещания» и «много работы»?

Настя пристально вгляделась в лицо на снимке. Темные длинные волосы, большие и выразительные карие глаза, форма губ, как обычно рисуют у королев в сказках, – совсем не похожа на маму. Настя подумала, что мама, несомненно, тоже красивая женщина, но только совсем другая. Ее красота строгая, северная, сотканная из льдинок и холодных ветров.

Настя спохватилась: «А почему, собственно, она их сравнивает? В доме целая коробка фотографий, на многих из которых – незнакомые люди. Может быть, и вот эта попала в листы случайно… А может, и нет». Настя решительно отправила фотографию на ее прежнее место. В любом случае лучше оставить все, как есть. Если подозрения верны – она, Настя, не сможет ничего изменить. А папа. Папа сам разберется, он уже большой и гораздо умнее дочери.

К тому времени как с уроками было покончено, на прогулку по улицам городка вышла дама Темнота. Настя представляла ее в виде женщины в черном плаще с капюшоном, привлекательной, знойной, с искорками, вихрящимися в глубине зрачков. Девочке пришло в голову, что дама Темнота вполне могла бы быть похожей на женщину с фотографии – немного высокомерная, очень загадочная, слегка вздорная.

Вечером Настя снова уснула без промедлений – слишком много переживаний и размышлений принес день. Проснулась она посреди ночи тоже сразу – страна сновидений отпустила ее без проволочек. Еще до того как девочка повернулась к окну, она уже знала, что птица здесь, на полу, возле окна, бесстрастно смотрит своими блестящими глазками на Настю.

Так и есть. Ночная гостья расправила крылья, как бы потянувшись, и снова замерла. Настя обрадовалась ей, вскочила с кровати, достала перчатки из сумки, которая висела

в клюве у птицы, и натянула их на руки. Еще несколько секунд, и Настя уже сидела верхом, с нетерпением ожидая полета над ночным городом.

Девочка решила в этот раз не закрывать глаза. Ведь интересно же, как они оказываются за окном, не разбив стекла и не поранившись. Но секрет так и остался секретом. Только что они были в комнате, и вот уже птица с Настей на спине парит над улицей. А стекло… стекло, как будто исчезло. Во всяком случае девочка ничего не почувствовала и не заметила, пролетая через окно.

В этот раз птица не дала Насте времени привыкнуть к полету – пришлось сразу же приступить к работе. Уже в соседнем дворе они обнаружили целое стадо (или может, стаю?) мерзких темных животных. Настя трудилась с усердием, будто занималась ловлей… гмм… непонятно кого всю жизнь. Она не знала, зачем это нужно. Просто чувствовала, что нужно.

Настя не имела понятия о том, сколько прошло времени. Она не чувствовала усталости. Животных стало меньше, они с птицей подолгу кружили над улицами и дворами, прежде чем обнаружить одну или две особи, притаившиеся где-нибудь в кустах или под лавкой. Звери гадко шипели, злобно поблескивая глазами, когда Настя вытаскивала их из укрытий.

Одна из тварей забралась между мусорными баками. Птица с девочкой на спине кружилась и так, и этак, пытаясь подлететь достаточно близко, чтобы Настя могла схватить животное. Когда мероприятие почти увенчалось успехом, случилось нечто неожиданное. Настя ощутила сильнейший толчок, в результате которого девочка упала на землю.

Она вскочила на ноги и стала судорожно оглядываться вокруг, пытаясь обнаружить причину аварии. Откуда-то сверху раздался смех. Настя подняла голову и увидела парня, самого обыкновенного парня примерно ее возраста, который сидел верхом на птице. Птица выглядела точь-в-точь как Настина, но только была белоснежной – ее оперенье казалось яркой вспышкой в темноте ночи.

– Это ты меня толкнул? – неуверенно пробормотала Настя.

Парень засмеялся еще громче.

– Ну и глупый же у тебя вид. Прикольно ты в ночнушке смотришься посреди улицы зимой, – он едва мог говорить от хохота.

Настя смутилась.

– Я думала, меня не видно, и вообще, что может это сон, – сбивчиво объяснила она.

– Упс, – парень перестал смеяться. – Так ты вообще не в курсе, чем занимаешься? Тебе не объяснили? Зачем же ты, интересно, ловишь тогда фурхов?

– Фурхов? Эти серые уродцы так называются? Ну, не знаю, очень уж они противные, я решила, что будет только польза, если очистить от них город.

– Какими ж им быть, если они рождаются из самых грязных и злых мыслей, – ухмыльнулся парень.

– Мыслей? Чьих мыслей? Как это рождаются из мыслей?

Настя подумала, что если это и сон, то бредовый.

– Из всех мыслей, всех, что появляются в городе. Ночью сгустки черной энергии, генерируемой людьми в течение дня, концентрируются и превращаются в этих очаровательных зверюшек. Твоя работа – их собирать, чтобы огромная серая птаха спустила их в Жерло небытия. А моя работенка – защищать их. Для равновесия, понимаешь.

– Жерло небытия? Это где?

– Первый дельный вопрос за все время, – парень снова ухмыльнулся. – А вот этого нам с тобой знать не дано. Наш уровень в иерархии недостаточно высок, так сказать.

Парень спустился ниже, теперь с ним можно было разговаривать, не задирая голову.

– Леша меня, кстати, зовут. А тебя, девушка в ночной рубашке?

Настя подумала, что, во-первых, ее ночнушка вполне себе закрытая, а, во-вторых, все это с большой долей вероятности – сон. А значит – не стоит стесняться.

– Настя, – девочка смело посмотрела собеседнику в глаза.

Танец чертиков в темно-карих радужках можно было наблюдать даже при тусклом свете фонаря.

– Ну, так вот, Настя, предстоит нам работать с тобой вместе. Так что до скорой встречи.

Леша и его птица медленно проплыли вокруг девочки дважды. Пристальный насмешливый взгляд парня смущал и даже обжигал, но Настя, упрямо задрав подбородок, медленно переступала с ноги на ногу, поворачивалась вслед за белой птицей, и не отводила глаз от лица новоявленного коллеги. Затем Леша задумчиво взглянул на Настину птаху, которая сидела с мешком в клюве на заснеженном тополе в нескольких метрах от них.

– Так и быть, сегодня добыча ваша. Должен же я дать фору неопытной глупышке.

Прежде чем Настя успела презрительно фыркнуть, заметив, что он просто понял, что ему не достать мешок, Леха взмыл ввысь и стремительно умчался прочь.

Дома в постели, перед тем как уснуть, Настя думала о новом знакомом и его словах. Равновесие. Жерло небытия. Фурхи. Ее жизнь обещала стать насыщенной и интересной. Засыпая, Настя улыбалась.

5

На уроке литературы Зоя Михайловна объявила, что на следующей неделе состоится общегородской конкурс чтецов, и от 8 б участвовать в нем будет Настя. Ничего удивительного. Ведь всем известно же, что Настя лучше всех в классе читает стихи. Она чувствует произведение, как говорит Зоя Михайловна. Если бы ожидалась олимпиада по физике, отправили бы Андрея Макарова, если бы нужен был человек, отлично разбирающийся в математике, выбрали бы Олега Гришенка или Ленку Лебедеву. Все продумано и отлажено в Датском королевстве, в 8 б то есть. Зоя Михайловна вручила Насте распечатку со стихотворением Бальмонта «Снежинка» и попросила выучить наизусть.

Следующей была физика. Настю вызвали к доске, и она благополучно поведала вызубренный материал классу, каждый в котором занимался в тот момент, как обычно это происходило на физике, собственными делами. Одна лишь только Нина смотрела в направлении доски, выпрямившись как струна, за четвертой партой первого ряда. Между тем Настя отлично помнила, как в прошлом году предположила, что Нине совсем не приходится ничего учить дома, ведь она так внимательно слушает на уроках. На что Нина ответила: «Да ты что, я сижу и думаю о своем».

Физик мерно покачивал головой, в то время как Настя цитировала учебник. Когда она закончила, он задал ей несколько дополнительных вопросов, на один из которых девочка даже сумела ответить. Получив заслуженную четверку, Настя отправилась на место, с удовольствием думая о том, что теперь о физике можно забыть, по крайней мере, на пару недель.

Затем еще двое ответили у доски. Точнее ответила только Нина, а Костик лишь постоял там минуту-другую, изображая активную мыслительную деятельность. Единственным результатом этой псевдодеятельности было его признание в том, что он не выучил материал.

Когда Петр Георгиевич приступил к объяснению новой темы, Настя подумала, что нужно срочно чем-то заняться, чтобы не уснуть. Голос учителя обладал просто необыкновенной убаюкивающей силой. Возможно, дело было в том, что физик осознавал, что никто его не слышит, поэтому и вещал у доски монотонным бесцветным голосом. С другой стороны, именно поэтому его никто и не слышал. Замкнутый круг какой-то.

Настя однажды провела эксперимент – попыталась вникнуть в суть объяснений Петра Григорьевича. Усилием воли она удерживала внимание пять минут, но мысли сами собой уносились вдаль, за горизонт, туда, где никто не пересказывал параграфы из учебника и не записывал на доске безликие формулы.

На-а-а-сть, давай в вопросы? – прошептала Аня, с которой Настя обычно сидела на физике за одной партой.

– Угу.

Аня извлекла из тетради чистый листок, согнула его сверху так, чтобы образовалась полоска, на которой можно было написать одно предложение. Записав свой вопрос, она перевернула листок и отдала Насте. Той следовало написать ответ, не интересуясь тем, о чем, собственно говоря, спрашивала Аня. Так, сворачивая листок гармошкой, они развлекались, пока не прозвенел звонок. Все удовольствие состояло в прочтении галиматьи, получившейся после того как бумагу разворачивали.

– Ты хотела бы поцеловать Петра Георгиевича?

– Давай, только в следующую среду.

– Что ты думаешь о Кирпикове из 8 а?

– Я сошла с ума, я сошла с ума.

Ну, и так далее. Глупая детская игра почему-то всегда казалась особенно забавной на уроке физики. Наверное, смех являлся защитной реакцией. Он не позволял уснуть или взбеситься. Настя помнила, как месяц назад Петр Георгиевич заболел, и его заменял другой учитель. Сейчас это казалось совершенно невероятным, но в течение целой недели Настя думала, что может быть, она ошибается насчет физики, и на самом деле этот предмет вполне даже ничего. Во всяком случае, то, что рассказывал учитель на замене, действительно вызывало интерес. Может, просто темы увлекательные попались?

На биологии Настя опять сидела с Аней за одной партой. Некоторым учителям было совершенно все равно, как детей рассадила классная руководительница. Такие преподаватели не возражали против того, чтобы каждый ученик садился за одну парту с тем, с кем хотел. Юлия Николаевна относилась как раз к этому подвиду учителей.

Однако, в отличие от физика, она умела увлечь класс. Не всегда это у нее получалось, но все же часто. В этот раз урок начался с объяснения новой темы – на столе стояли колбы с жидкостью, в прозрачной коробке шевелились… черви.

– Давай доиграем, там два вопроса до конца листика осталось, – прошептала Аня.

Настя кивнула, написала предложение, которое должно было стать ответом на предыдущий вопрос, и передала листок Ане. Позже девочки безуспешно пытались вспомнить, как Юлия Николаевна, расставлявшая на своем столе наглядные материалы, вдруг материализовалась возле их парты. Листок плавно поднялся в воздух на кончиках пальцев учительницы и замер на некотором расстоянии от ее лица – она очень внимательно изучила всю бессмыслицу, которой был заполнен лист.

– Это что? – немного растерянно спросила Юлия Николаевна.

Настя покраснела и тщетно попыталась провалиться сквозь землю посредством усилия воли. Она помнила, что в среду грозилась поцеловать Петра Георгиевича. Однако особенно отчаянно она проклинала тот момент, когда ей пришло в голову предложить Аньке станцевать на уроке биологии на парте.

– Это игра, – едва слышно пролепетала Настя.

– Что ж, поиграем завтра все вместе… вместе с вашими родителями. Попросите их подойти в мой кабинет после пятого урока.

Юлия Николаевна отнесла листок на свой стол, держа его двумя пальцами, как противную скользкую лягушку.

До самого звонка Настя просидела, не шевелясь, не слыша ни слова из объяснений биологички, не в силах понять, что же та такое делает с червями из банки. В голове пульсировала единственная мысль – мама не должна видеть этот листок. Трудно, практически невозможно будет объяснить родительнице, как Настя могла написать такие некрасивые фразы.

– Настя, расслабься, это ж игра была, предки поймут. Ну, поругают для порядка. Мне папа рассказывал, как они с другом на уроках в морской бой рубились. Мы ничего такого страшного не сделали.

– Лучше б мы в морской бой рубились. Моя мать от одной фразы «танцевать на парте» в обморок упадет.

– Объяснишь ей, что это игра, шутка, она поймет. Не парься.

Настя не парилась, но отлично понимала, что нет, не поймет. Не поймет и очень расстроится.

Девочка решила, что попытается уговорить папу сходить к биологичке. В конце концов, Юлия Николаевна не уточняла, кого именно из родителей она возжелала увидеть.

Вечер, как бывало часто в последние месяцы, Настя провела вдвоем с мамой. Сделав уроки, восьмиклассница начала бесцельно слоняться по квартире, волнуясь, сможет ли отец вырваться на следующий день с работы, чтобы зайти в школу.

Лишь в десять вечера, когда наступило время ложиться спать, Настя вспомнила о «Снежинке», стихотворении, которое она должна была выучить. Ничего не оставалось, как только достать из сумки листок с произведением Бальмонта и начать повторять строчки, расхаживая от одной стены зала до другой.

Светло-пушистая,
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!

Во входной двери повернулся ключ в замке – папа вернулся с работы.

Дорогой бурною
Легко проносится,

До Насти долетали обрывки диалога родителей:

– Привет, дорогая, совсем заработался.

– Ах ты бедненький, но ничего, я уж привыкла. Мне ж уже внимание ни к чему в моем-то возрасте.

Не в высь лазурную,
На землю просится.

Насте не хотелось подслушивать, она старалась сосредоточиться на «Снежинке», представить ее, нежную и невесомую, кружащуюся в трепетном танце. Однако от коридора девочку отделяла всего одна дверь, поэтому трудно было отгородиться от того, что там происходило.

– Зачем ты так. Я ж для тебя стараюсь, для семьи.

– Да-да. Я в курсе. Ежедневные ночные совещания – это именно то, что позволяет нашей семье не бедствовать. Мы б наверное уж по миру пошли, если бы ты возвращался домой хотя бы иногда вовремя.

– Ну что ты завелась! – папа уже явно сердился.

– Пойдем в кухню, нечего при ребенке ругаться.

Настя подумала, что в этом вся мама – если ругаться в коридоре, то может услышать она, Настя, или того хуже – соседи. Нет, все должно быть скрыто под мраком тайны в семье Нефёдовых. Лишь бы внешне все выглядело ок.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя в безвестную
Страну низринула.

Наконец со стихотворением было покончено. Настя отправилась в постель. Засыпая, она думала, что птица не прилетит, так как вряд ли работа по утилизации материализовавшихся плохих мыслей предусматривала ежедневный график (если был вообще какой-нибудь график). Однако ночью Настю снова разбудило ощущение, даже скорее уверенность, что ее пернатый транспорт уже прибыл.

Девочка схватила джинсы и футболку со стула и оделась, пожалуй, даже раньше, чем полностью проснулась. Она отлично помнила, что там, за окном, во время ночных полетов

холод абсолютно не чувствовался, но Насте вовсе не хотелось опять стать объектом насмешек этого самого Леши. А значит, в ночнушке за окно больше ни ногой.

Всего через несколько минут девочка верхом на птице уже неслась над дворами и улицами, высматривая темные мрачные тени, то и дело мелькавшие возле подвалов, кустов и подъездов. Теперь, когда Настя знала, что это за гадость такая – фурхи, работа доставляла ей моральное удовлетворение. Девочка представляла, как город становится лучше, чище, светлее.

Настя училась сохранять равновесие даже во время самых рискованных виражей, ловко выхватывать фурхов из-под лавок, из щелей в стенах домов, предназначавшихся под слом. Мерзким животным было не спрятаться от нее и не скрыться.

Это случилось, когда Настя, набравшая полный мешок фурхов, почувствовала себя кем-то вроде Бэтмена. Как раз в тот момент восьмиклассница думала, какая она все-таки необыкновенная, волшебная, раз именно ее избрали спасать город от злых мыслей. Неожиданный удар, нанесенный справа, сбросил ее с птицы.

Упав с высоты трех-четырех метров, Настя не почувствовала боли, так же как и не чувствовала она холода. Тем сильнее ощущалась обида – жгучая обида и злость.

– Какого черта! – изо всех сил крикнула Настя.

Она повернула голову на шелест и шорох справа от себя и увидела Лешу, старательно вытряхивающего мешок. Ее мешок.

– Ты.. ты.. ты, да я убью тебя сейчас!

Напряжение трудного дня, копившееся где-то в груди, в тайных уголках мозга, на кончиках пальцев, вырвалось наружу. Настя как сумасшедшая кинулась на Леху с кулаками. Он схватил ее за запястья и крепко держал, пока девочка конвульсивно дергалась и билась, пытаясь вырваться, чтобы стереть парня с лица Земли.

– Ты спятила? – совершенно спокойно спросил Леша. – У тебя своя работа, у меня своя – ты собираешь фурхов, я тебе мешаю по мере возможности. Сегодня ты проиграла. Нужно уметь проигрывать достойно.

Последнюю фразу он произнес, улыбаясь во все 32 зуба.

Злость испарилась так же внезапно, как и появилась.

– Отпусти. Прости, просто сегодня все идет не так, – Настя расслабилась, прекратила борьбу.

– Понимаю, бывает.

Леха больше не держал ее и не улыбался. Они стояли, замерев друг напротив друга, как будто им нужно было что-то обсудить, а что именно, они забыли.

На самом деле, каждый из них хотел рассмотреть другого – человека, с которым (они полностью осознали это только теперь) придется иметь дело регулярно. Настя смотрела в Лехины карие глаза, пытаясь вычислить слабые стороны, болевые точки своего соперника. Ее интересовало и то, что же он старался увидеть, рассмотреть в ее серых радужках.

Птица взвилась над головой у Насти, закружилась, заметалась. Девочка отошла от Леши подальше.

– Слушай, а кто тебе рассказал про фурхов и Жерло небытия?

Насте пришло в голову, что во всей этой истории гораздо больше действующих лиц, чем те, что вышли на сцену ее жизни. Хотелось узнать, кто они, услышать о них хотя бы из третьих уст.

– Приснилось. Птицы, ты, фурхи и голос за кадром, как в документальном фильме.

– А мне ничего заранее не приснилось. Почему, интересно?

– А у тебя и так все понятно – есть мешок, есть мерзкие твари. Трудно не сообразить, что с этим делать.

– Что это за таинственная организация-то такая. Могли бы хоть поприветствовать новых сотрудников.

Настя пыталась вытянуть из нового знакомого хоть какую-то информацию.

– А какие ж мы сотрудники? Внештатные, если только: агент Настя и контрагент Леха.

Некоторое время ребята молчали – молчали и улыбались друг другу. Настя поймала себя на мысли, что совсем-совсем не сердится на Леху, из-за того что он выпустил фурхов. Вот ведь как бывает: только что хотела его избить, а теперь улыбается ему, как добрая знакомая. Настя вспомнила, что совсем недавно пыталась понять, как происходит смена добрых и злых настроений в душе человека.

Птица снова недовольно забила крыльями.

– Полетела я домой. Пока, – попрощалась Настя, усаживаясь верхом на пернатого компаньона.

– Давай, счастливо. В следующий раз не зевай, – улетая, Леха смеялся.

Утром Настя, едва дождавшись, когда за мамой закроется дверь, бросилась к отцу.

– Па-а-а-а, тебя в школу вызывают. Сходишь?

– Вот те раз!

Папа изобразил крайнюю степень удивление, задрав брови так высоко, что они почти скрылись за волосами.

– Моя образцовая дочь что-то натворила?

– Да так, ерунда. Мы с подружкой затеяли игру, вроде морского боя, а нас поймали.

– Ясненько. Я тоже в морской бой на уроках не раз рубился. Во сколько подойти то нужно?

– В 2 часа, в кабинет биологии.

– Заметано.

Когда папа уже был готов выходить из дома, Настя его окликнула.

– Па, это не совсем морской бой. Но это игра, ты, главное, помни, это всего лишь игра такая.

6

На уроке русского языка Настя не сумела ответить на вопрос Зои Михайловны. Просто не знала, о чем этот вопрос, не услышала его. Только усевшись с разрешения учительницы на место, Настя осознала, что с самого звонка не следила за ходом урока, потому что думала о Лехе. Кто он в обычной жизни? В какой школе учится? Где живет?

– Насть, у тебя нервный тик, – прошептал Димка, толкнув соседку по парте локтем. – Ты чего руки свои трогаешь весь урок?

Этого Настя тоже до сих пор не замечала. Оказывается, она все время касалась пальцами запястья. Именно за запястья держал ее парень, наездник на белой птице, не позволяя броситься в драку.

Настя посмотрела в окно, далеко-далеко, туда, где между зданием стоматологической поликлиники и пятиэтажкой виднелась едва различимая полоска леса. Туманная дымка окутывала далекий лес, покрывало мыслей и мечтаний спрятало от Насти сиюминутную реальность.

Девочка представляла, как Леша сидит где-нибудь на другом конце города за партой, с независимым видом записывает что-нибудь в тетрадь, и никому в классе и в голову не приходит, что по ночам он парит в небе на огромной белоснежной птице.

Настя вообразила, как какая-нибудь красотка с броским макияжем и копной черных волос бросает на Лешу взгляды со своего места. Он их, конечно же, замечает и отвечает ей своей характерной ухмылкой. Не слишком часто отвечает, но все же.

Настя так ярко все это представляла, как будто сама находилась рядом, как будто сидела неподалеку от черноволосой красотки…. И вдруг почувствовала, что злится.

– Нефёдова, ты сегодня не с нами?

Зоя Михайловна, похоже, тоже злилась.

Настя усилием воли заставила себя следить за ходом урока.

На литературе классная руководительница проверяла, как Настя прочувствовала «Снежинку» Бальмонта, давала рекомендации, – на все это ушло 15 минут урока, чему 8 б был несказанно рад. Когда Настя возвращалась на место, Колька, общепризнанный клоун класса, жалобно ныл:

– Зоя Михайловна, такое произведение! Так растрогало! Не отказывайте чувствительной душе – так хочу еще послушать.

Классную руководительницу ничуть не обманули его восторги.

– Молотилов, тебе лишь бы домашнее задание не отвечать.

Как только раздался звонок с последнего урока, Настя выбежала из класса, чтобы встретить отца. В коридоре толпились школьники – те, кто учился в первую смену, спешили домой, ученики второй смены неспешно подтягивались к первому уроку, до которого оставалось еще много времени. Настя искала глазами папу. Через десять минут девочка уже волновалась. Она подошла к двери и, мешая как входящим, так и выходящим, стала высматривать отца на улице.

У дальнего угла школьного здания остановился знакомый синий Фольксваген. В машине сидели двое. Разумеется, Настя не могла с такого расстояния рассмотреть лица человека на пассажирском сидении, но почему-то нисколько не сомневалась, что это та черноволосая женщина с фотографии, спрятанной в листах А 4.

Настя почему-то испугалась этой мысли и поспешила обозвать себя неисправимой фантазеркой. Однако внутренний голос, явно не принадлежавший какой-то там легкомыс-

ленной фантазерке, строго и авторитетно произнес: «А почему тогда папа не подъехал к входу, а остановился так далеко?»

Настя вернулась в холл, чтобы дождаться отца там. Вскоре он вошел в школу, бодрый и довольный.

– Па, здорово, что ты пришел. С кем ты приехал?

Насте показалось, что отец на долю секунды замешкался, смутился.

– А почему ты спрашиваешь?

– Я выходила тебя встречать, видела, что кто-то приехал с тобой, – как можно беззаботнее постаралась ответить Настя.

– А, вот оно что. Коллега попросила подвезти, – скороговоркой произнес отец. – Ну, пойдем уже на разборки, в конце концов, мне ж на работу возвращаться надо.

– На разборки… ну у тебя и выражения, папочка. И не скажешь, что ты положительный и серьезный мужчина.

Отец и дочь смеялись, поднимаясь по лестнице.

– Там закрыто, – подсказала Аня, когда Настя с папой подошли к двери.

Анина мама раздраженно барабанила ладонью по подоконнику.

Юлия Николаевна появилась лишь спустя пятнадцать минут, когда родители исчерпали уже темы для светской беседы и стали проявлять нетерпение, то и дело восклицая, что им нужно возвращаться на работу.

Учительница биологии, казалось, была удивлена, увидев их перед кабинетом. Она попросила маму Ани и папу Насти подождать еще минуточку и пригласила девочек войти.

– Ну, вы даете! Вы, что, не могли подойти и поговорить со мной после урока? Инцидент был бы исчерпан. Зачем вы родителей (на секунду Насте показалась, что Юлия Николаевна произнесет «притащили») заставили отпрашиваться с работы и ехать в школу из-за бумажки с белибердой.

Учительница потрясла в воздухе листком, все еще сохранявшим очертания гармошки.

– Юлия Николаевна, это игра такая, вроде морского боя. Простите нас. Мы немного не доиграли на переменке и решили занять всего минуточку урока, – Настя надеялась, что ее голос достаточно красноречиво передает то, как ей стыдно.

– Нефёдова, ты мне почему-то представлялась гораздо более серьезной и умной. Забирайте этот продукт детсадовской деятельности, зовите родителей, – Юлия Николаевна протянула Ане листок.

Девочки стояли в коридоре, гадая, о чем шла в тот момент речь в кабинете биологии. О чем можно говорить, если злополучного листка там уже нет?

Когда через десять минут все четверо вышли из школы, мама Ани раздраженно произнесла, что совершенно не понимает, как можно срывать людей с работы ради пятиминутной беседы о сложностях подросткового возраста.

– Нормальная Юлька тетка, все-таки, – резюмировала Аня, когда родители ушли.

Настя кивнула.

Она смотрела вслед папе, который уже почти подошел к Фольксвагену. Девочка продолжала стоять на одном месте и после того, как попрощалась и ушла Аня, после того как скрылась вдали машина отца. Почему-то она чувствовала себя в тот момент страшно одинокой, будто и не было вокруг нее толпы школьников, спешащих на занятия или домой, будто отец уезжал не на работу, а в неведомые края… навсегда. Настя ощущала какое-то оцепенение, смотрела в одну точку, туда, где несколько минут назад находился Фольксваген.

Вдруг она почувствовала удар в спину. Девочка подпрыгнула от неожиданности и обернулась. В пяти метрах от нее Димка лепил новый снежок, чтобы запустить его в свою соседку по парте.

– Димка, я тебя сейчас… – испуг еще не прошел, и Настя вскрикнула так, что на нее оглянулись похожие на гусят младшеклассники, проходившие мимо.

Дима отбросил снежок в сторону.

– Извини, показалось, что ты примерзла к месту. Решил проверить, жива ты или нет. Ну как там, у биологички, прошло все?

Настя, пораженная, что Димка не только заметил инцидент на уроке Юлии Николаевны, но еще и помнил, что беседа с родителями должна была произойти как раз в это время, пробормотала, что все в порядке.

– Ну и отлично. Ты кого-то ждешь?

– Нет, домой иду. Просто задумалась.

– О, задумываться, это по твоей части. Пойдем тогда, мне сегодня в твою сторону.

По пути Димка рассказывал о своих летних приключениях у тетки в деревне, и Настя хохотала так, как не смеялась уже давно. Даже когда они попрощались, и она, повернув к дому, отправилась дальше одна, улыбка все еще не сходила с лица. Улыбалась Настя и, поднимаясь по лестнице и, открывая входную дверь, а войдя в коридор, прыснула от смеха, вспомнив самый смешной момент из Димкиных рассказов.

К следующему учебному дню нужно было приготовить реферат по истории. Насте досталась тема «Романтизм как направление в искусстве XIX века». Ей чрезвычайно нравилось искать информацию в Сети, систематизировать ее, анализировать, делать выводы, и, конечно же, рисовать в воображении картины событий давно минувших столетий. Настя не заметила, как пролетели два часа. Из XIX столетия ее вернуло замигавшее вдруг окошко мессенджера – Ленка звала гулять.

Реферат был почти готов. Кроме него оставалось лишь решить пару заданий по геометрии. Настя подумала, что вполне успеет закончить уроки вечером, быстро собралась, не забыв остановиться у зеркала, чтобы нарисовать стрелки. Через пятнадцать минут она была уже на улице.

Они встретились с Леной у входа в парк и решили погулять в центре, потому что последние дни шел снег, и к пенькам на их любимой полянке было не пробраться. У Ленки оказалось столько новостей в запасе, что Насте пришлось молча слушать, пока они не миновали центральную улицу. Оказывается, Лене назначил свидание Вовка из 10 в. Ее теперь интересовали только два вопроса – что надеть в субботу на дискотеку, и как убедить родителей отпустить ее хотя бы до часа ночи.

В какой-то момент, в то время пока Ленка, захлебываясь от переполнявших ее эмоций, тараторила и тараторила, Настя отключилась – перестала слышать подругу. Она вдруг представила, что ее, Настю, позвал в клуб… Леха. Девочка увидела в воображении себя, красивую в ярком коротком платье, танцующей медленный танец с парнем. Они смотрели друг другу в глаза, как тогда на пустой заснеженной улице.

– На-а-асть, ты что, меня не слушаешь? Я спросила, что лучше – джинсы, те розовые со стразами, или черная мини-юбка.

– Слушаю, конечно, – вернулась из мира грез Настя. – В мини юбке ночью у тебя все отмерзнет, а розовые джинсы не сочетаются с твоим зеленым пуховиком.

– Ну, я мамину дубленку выпрошу.

Вскоре тема иссякла. Про свои новости Насте рассказывать не хотелось. Да и не поверила бы Ленка, что ее лучшая подруга ночами ловит материализовавшиеся черные мысли жителей города. Не про конкурс же чтецов рассказывать.

– Слушай, – вдруг воскликнула Лена. – Ты же знаешь Веронику из нашего класса. Фифа такая с черными волосами до пояса.

– А, поняла.

– Ей, оказывается, тоже Вовочка нравится. Наша Верка ляпнула при ней, что я с ним на дискотеку иду, так Вероника теперь готова меня пристрелить. В 10 в к своим подружкам каждую перемену ходит и так, чтобы Вова слышал, рассказывает там, что я лохушка последняя.

– Вот коза, – искренне возмутилась Настя.

С минуту восьмиклассницы шли молча. Казалось, Ленка что-то тщательно обдумывает. Неугомонное Настино воображение нарисовало шестеренки и винтики, которые со скрипом крутились в голове у подруги.

– А давай ей записку в почтовый ящик подкинем.

– Что мы ей напишем? – изумилась Настя.

– От имени Вовки напишем. Мол, приходи на поляну, мне надо сказать тебе что-то важное.

– Я понимаю, Лен, ты злишься на нее. Но не детский сад ли это?

– А вторую записку мы от ее имени Ваське кинем. Ну, ты помнишь, на поляну приходит тихий такой невзрачный пацаненок с моей улицы.

– Ленка, ну ты даешь.

Настя рассмеялась.

Через пять минут девочки уже сидели на лавке в центральном сквере города и писали записку при свете фонаря. Лист для послания был вырван из Ленкиного блокнота со стихами про любовь, который она всюду таскала с собой. Ручки в ее сумке не нашлось, зато там лежал карандаш для подводки глаз. Пришлось писать им.

Записку для Васи Настя написала своим привычным каллиграфическим почерком. Она постаралась сочинить сдержанное, немного холодное письмо, несмотря на настойчивые попытки Ленки добавить в текст такие фразы, как «умираю без тебя» и «твой взгляд сводит меня с ума». Ну, в самом деле, неужели тихоня-Васька поверит, что ему могла такое написать эффектная Вероника. «Мне нужно тебя увидеть. Встречаемся в воскресенье на пеньках в 8 часов вечера». Настя была уверена, что этого вполне достаточно, чтобы пробудить надежды, но не вызвать недоверия.

С запиской Веронике было сложнее. Карандаш для глаз она могла узнать и догадаться, что над ней пошутили девчонки. Пришлось искать ларек «Союзпечать» и покупать все-таки ручку.

Настя размышляла. Слишком смелые фразы и цветастые выражения, несомненно, насторожат Веронику. Тихий и неприметный Васька – и вдруг «солнце моих дней, звезда моих ночей». С другой стороны, любовь творит чудеса.

– Мы не будем подписывать записку Веронике, – решительно произнесла Настя.

«Ты самая красивая девушка на свете. Когда я вижу тебя, то немею. Однако если ты придешь к пенькам в воскресенье в 8 часов вечера, я соберусь с духом и постараюсь описать все то многообразие волшебных чувств, которые вызывает твоя милая улыбка».

Ленка одобрила текст, и девчонки помчались к домам своих «жертв».

– Стоп.

Настя остановилась как вкопанная посреди улицы.

– А если записки в почтовых ящиках найдут их родители?

Пришлось возвращаться к ларькам. К радости школьниц, в продаже имелись отличные голубые подарочные конверты без марок. На одном из них вскоре красовалась крупная надпись «Василию», на другом Настя постаралась изобразить кривым мальчишеским почерком «Веронике». Девочки вложили послания внутрь и заклеили конверты.

Проделка все больше походила на приключение. Нужно было подкрасться к почтовому ящику так, чтобы не быть замеченными из окна дома, бесшумно опустить конверт в проем,

скрыть свои следы на снегу. Вечер удался – девчонки отправились по домам с чувством выполненного долга.

Ночью Настя долго ворочалась с боку на бок, пытаясь уснуть. Она все гадала, прилетит ли за ней птица. Вероятно, эта мысль и заставляла бодрствовать. А может быть, виной всему было возбуждение от вечернего приключения или волнение по поводу того, что уже так поздно, а папа еще не вернулся с работы. Так или иначе, погрузиться в благословенный сон у Насти не получалось.

Когда утром прозвенел будильник, ей казалось, что она и не дремала ни минуты за ночь. Однако папа был дома – бодрый и веселый, как всегда. Настя не слышала, как он пришел домой, а значит, все же в ту ночь она спала.

7

Не прилетела птица и следующей ночью, и ночью с субботы на воскресенье. Зато в воскресенье позвонила Ленка.

– Ну что, во сколько встречаемся?

– Мы куда-то идем? – удивилась Настя.

– Как?! Ты что, не помнишь, сегодня же свидание у Вероники с Васькой. Мы должны это видеть.

Точно должны? – неуверенно пробормотала Настя.

– Конечно. Давай встретимся у входа в парк в половину восьмого?

Насте не хотелось никуда идти. Уж лучше бы завернуться в плед, улечься в постель и думать, думать, думать. Она не желала себе признаться, но где-то глубоко внутри что-то сжималось в ней от мысли, что ночные полеты больше не повторятся и, что, возможно, все ей только приснилось. Девочка вспоминала, как необычно, по-новому, выглядит город с высоты птичьего полета, как захватывает дух, когда птица снижается, заметив фурхов, а еще…, какой искристый и теплый взгляд у Леши.

Последняя мысль Насте совершенно не понравилась. Обозвав себя дурочкой, она вставила в уши розовые наушники, легла на диван и погрузилась в мир музыки в формате Европы +. Каждая лиричная песня рождала образы – образ мелькающих где-то далеко внизу дворов, улиц, домов, образ огромной белой птицы, парящей рядом с темной птицей. В конце концов, Настя поймала себя на том, что в воображении наслаждается поцелуем с Лешей. Она решила, что это уже слишком. Школьница отбросила наушники в сторону и села за уроки.

В 19:15 она вышла из квартиры, чтобы встретиться с Ленкой, пообещав перед этим маме вернуться не позже 21:00.

Насте показалось, что Ленка начала фонтанировать впечатлениями от вечера субботы – этого великого вечера, ознаменованного ее первым свиданием с Вовкой, еще до того как Настя оказалась в пределах слышимости.

– Ой, он принес мне розу, мы танцевали все медленные танцы, он представил меня другу как свою девушку, – Ленка захлебывалась от восторга.

– И во сколько ты вернулась домой? – поинтересовалась Настя.

– В 2 часа, утром был настоящий скандал. Я теперь наказана на целый месяц – никаких вечерних прогулок.

Лена помрачнела.

– Как же ты сегодня вырвалась?

– Сказала, что иду к тебе за книжкой для реферата. Так что мы только посмотрим одним глазком, как там наши голубки, а потом зайдем к тебе, ты мне дашь книгу какую-нибудь.

С минуту подруги молчали. Вдруг Настя стукнула себя ладонью по лбу.

– Ленка, мы ж забыли, что к пенькам не подобраться – там же сугробы.

– Точно. Но давай все-таки сходим туда, посмотрим.

Девчонки остановились там, где заканчивался переулок, именуемый в народе Темным за то, что ни один фонарь в нем никогда не работал. Далее шла Краснофлотская улица, за которой начинался лес. Возле дома, расположенного прямо напротив полянки, имелся работающий фонарь. Благодаря ему школьницы могли видеть, что происходит у пеньков, не приближаясь к ним, оставаясь надежно укрытыми в темноте переулка.

На самом высоком пеньке сидел парень – очевидно, Васька все-таки пробрался по сугробам к полянке. Он был похож на сиротливого воробья на шесте, и Настя в который раз усомнилась в нужности и правильности всей этой затеи.

– Вероника не придет.

– Кто знает, кто знает, – с недоброй усмешкой возразила Ленка.

Минуты шли, но Насте казалось, что время застыло, как и все вокруг. Не шевелился сидевший на корточках Васька, замерли сосны у края леса, ни единого человека не было на улице, даже холодный воздух вокруг оставался абсолютно неподвижным.

– Лен, ну что она ненормальная в сугроб лезть. Сидит себе дома.

В этот момент на улице показалась Вероника. Она решительным шагом направлялась к полянке, будто ее совершенно не смущали сугробы и то, что она не знала, кто такой этот таинственный автор записки.

Вероника остановилась в нескольких метрах от пеньков и замерла, отлично вписавшись во всеобщую абсурдную картину безмолвия и неподвижности. Настя не могла слышать, произнесли ли эти двое хотя бы слово. Зато из Темного переулка было отлично видно, что Вероника резко развернулась на 180 градусов и так же решительно, как приближалась к поляне, отправилась прочь.

– Ну-у-у, так не интересно, – протянула Лена.

– А что ты ожидала увидеть? Страстный поцелуй?

– Ну, не страстный поцелуй, а хотя бы небольшую разборку.

Настя не помнила, в какой момент это началось: только что она смотрела вслед удаляющейся Веронике, и улица выглядела самым обычным образом. Но уже в следующий момент ее воображение нарисовало фурхов. Ей представлялось (так явно, так отчетливо), что отвратительные твари неслись в разные стороны – в лес, в переулки, во дворы частных домов.

Прошло всего пару минут. Вероника исчезла в темноте, воображаемые (или настоящие?) фурхи разбежались. Краснофлотская опять была пуста. Была пуста, если не считать Васи, о котором девчонки совершенно забыли, наблюдая за Вероникой.

Парень слез с пенька и выбрался на дорогу, преодолев сугробы. Он остановился на том месте улицы, где еще совсем недавно стояла Вероника, и стал смотреть в темноту – туда, куда ушла девушка, будто надеялся, что темнота все же вернет ее. Потом медленно поплелся прочь.

– Пошли за книжкой, тут больше ничего интересного не произойдет, – судя по ворчливому тону, Ленка была разочарована.

Девочки ушли. Через несколько минут Лена снова нарушила молчание:

– Почему ты молчишь? Ваську жалко?

Она помедлила, затем призналась:

– Мне тоже.

Настя думала не о Васе, а о фурхах, которых, возможно, породило не только ее собственное воображение, но и гневные мысли Вероники. Тварей было много, слишком много. Такую огромную стаю Настя еще не видела. Она представила, в каком бешенстве была Вероника, поежилась и пообещала себе пытаться впредь сдерживать раздражение, что бы ни случилось.

У дома, рядом с подъездом стояла папина машина, а значит, отец собирался провести воскресный вечер с семьей. Не успела Настя так подумать, как цветок герани, мамин любимый цветок, который украшал подоконник на кухне уже много лет, грохнулся в лобовое стекло синего Фольксвагена, и в тот же момент в дверях подъезда показался папа.

Девочки ошарашено пялились на разбитое лобовое стекло, когда услышали звук с шумом закрывающегося окна. Настя посмотрела вверх и успела заметить, что это их кухонное окно только что захлопнулось. Мозаика событий сложилась в голове Насти молниеносно. Мама узнала про ту женщину с фотографии, и когда папа сказал, что собирается по делам, ее хваленое самообладание, ее нервы не выдержали.

Ленка подняла голову слишком поздно и не увидела, как мама Насти закрыла окно.

– Ой, у кого-то цветок выпал из окна, – почему-то шепотом произнесла она.

Девочки посмотрели на Настиного папу. Против обыкновения он не выглядел бодрым и жизнерадостным. Он, не отрываясь, смотрел на лобовое стекло, по его лицу разливалась бледность. Насте пришло в голову, что мама наверняка не сказала ему, что ей все известно. Может быть, даже натянуто улыбалась, провожая отца «по делам».

– Насть, давай я быстренько книжку то возьму, да пойду, а то мне влетит.

Девочки молча поднимались по лестнице. Настю била дрожь. «А что если у мамы истерика? Как она объяснит все это Ленке? Эта болтушка завтра же разнесет по всей школе», – мысли метались, как попавшие в силки птицы. «Вот она, мамина школа, сказывается все-таки», – усмехнулась про себя Настя. – «Главное, чтобы внешне все выглядело прилично».

Девочка открыла своим ключом дверь в квартиру – оттуда не доносилось ни звука.

– Лен, сейчас я принесу книгу, – нарочно громко сказала Настя, чтобы мать знала, что она пришла домой не одна.

На кухне горел свет, дверь была плотно закрыта.

После того как Ленка ушла, Настя довольно долго стояла в коридоре, не решаясь зайти в кухню. Мама гремела посудой, включала и выключала воду.

Настя открыла дверь так осторожно, как будто из кухни мог выскочить какой-то зверь. Конечно, мог. «Фурх! – подумала девочка. – Я спровоцировала их появление, организовав встречу Вероники и Васьки, тем самым притянув зло в свою семью». Настя застыла в дверях как вкопанная».

В кухне фурхов не было. Мама что-то помешивала в кастрюльке на плите.

– Мама, что произошло?

– Ой, Насть, представляешь, мыла окно и нечаянно уронила герань.

Настя опешила. Видимо, мама считала, что ее дочь – несмышленая малолетняя идиотка. Ну, конечно – «нечаянно уронила», при этом попав точно в лобовое стекло папиной машины, а затем захлопнула окно с грохотом.

– Мам, ты разбила стекло в нашей машине.

– Да-а-а-а, – протянула мама. Ничего, папа починит. Я же не нарочно.

Мать у-лы-ба-лась! Она могла улыбаться через минуту, после того как слетела с катушек. Все же это не могло не вызывать восхищения (хотя и смешанного с осуждением). Настя подумала, что мама неисправима, и вышла из кухни.

Папа не вернулся домой в этот вечер. В 11 часов, когда все уроки были сделаны, сумка собрана, и выбрана одежда, в которой Настя планировала отправиться в понедельник в школу, она начала волноваться. Конечно, отец часто приходил домой поздно, но не в выходной же. Настя долго не могла уснуть, вслушиваясь, не повернется ли ключ во входной двери.

8

Не было отца и утром, когда Настя проснулась. Мать молча собиралась на работу, и девочка почему-то не решилась задавать вопросы. Какие уж там вопросы, когда у родительницы железобетонное выражение лица. Ясное дело – сейчас не время – не время для вопросов, разговоров, утешений.

На уроках Настя читала, решала, писала, отвечала, но чувствовала себя при этом, как робот-автомат. Мысль о папе и маме сверлила мозг, причиняя боль, похожую на зубную.

На литературе Зоя Михайловна долго репетировала с Настей «Снежинку», ведь до конкурса чтецов оставалось всего два дня. Учительница все повторяла, что вот именно сегодня девочка не вкладывает душу в произведение. Настя думала: «Ничего удивительного, что не вкладываю, я не могу вкладывать то, что находится не на месте».

Домой она почти бежала, хотя и знала, что в это время там никого не может быть – папа и мама работают. Настя долго не садилась за уроки – ходила из комнаты в комнату, смотрела на знакомые с детства предметы, пытаясь убедить себя в том, что это тот же самый дом – их дом – папы, мамы и ее, Настин. Почему-то казалось, что квартира изменилась, стала какой-то чужой, враждебной, колючей.

«Вечно тебе кажется и воображается», – зло подумала о себе Настя.

Вечером оба родителя вернулись домой – папа, и через полчаса мама. Они занимались своими делами – мать хлопотала на кухне, папа в зале перебирал какие-то бумаги, потом смотрел телевизор. Внешне все выглядело так, как будто ничего не случилось, если не считать, конечно, того, что единственными словами мамы за вечер были: «Идите за стол. Ужин готов».

Ночью прилетела птица. Настя обрадовалась ей как родной. Напевая в мыслях попсовую песенку, она натянула свои любимые джинсы и выхватила из шкафа самую нарядную кофточку с пайетками. Лишь когда утих восторг от первых минут полета, Настя задала себе вопрос, куда это она так нарядилась сегодня. Ответ она предпочла не произносить даже мысленно, лишь хихикнула едва слышно.

Девочка твердо решила, что ни за что не позволит отобрать у нее мешок. Фурхов было в этот раз так же много, как и в прошлый, но, отлавливая их, Настя не забывала оглядываться по сторонам, готовая в любой момент сорваться с места и улететь. Именно поэтому она успела заметить тень, мелькнувшую у нее за спиной, бросила фурха, которого только что схватила за шкирку, чтобы сунуть в мешок и, резко развернув птицу вправо, взмыла ввысь.

Белая птица и не думала отставать. Насте казалось, что весь мир исчез, что остались только они с Лехой, эта сумасшедшая гонка, да свист в ушах. Разумеется, полный мешок фурхов, являлся в этом состязании не только призом победителю, но и помехой: лететь с ним было тяжелее. Теперь Насте приходилось изворачиваться, нырять в подворотни, резко сбрасывать скорость и высоту, затем менять направление, чтобы не попасться.

Настя могла полететь домой и скрыться там. Она знала, что рано или поздно придется это сделать. Однако пока что ей хотелось, чтобы гонка продолжалась бесконечно – чтобы Леха пытался ее поймать. И не важно, что ему нужен мешок, а не она.

Насте удалось немного оторваться от погони. Она свернула в какой-то двор на окраине города и спряталась в ветвях огромного дуба. Конечно, слово «спряталось» не слишком подходило к ситуации – девочку было видно с любой стороны двора. Однако она решила, что если замрет, то, возможно, Леха и не станет смотреть на дерево.

Белая птица с всадником на спине влетела во двор. Леша сразу же устремился к гаражам справа от пятиэтажки, видимо, уверенный, что Настя воспользовалась этим выходом. Несколько секунд – и двор снова оказался пуст.

Пять минут спустя птица с мешком исчезли, оставив девочку в темноте ее собственной спальни. Мысли, впечатления, эмоции нахлынули, как будто с нетерпением ждали, пока Настя останется одна, как будто подсматривали в щелку платяного шкафа, когда улетит птица.

Девочка не понимала, довольна она или расстроена. Она выиграла в этот раз. Однако совсем не поговорила с Лехой, не увидела его глаза с теплыми искринками, не позволила ему коснуться себя. Она долго лежала с закрытыми глазами в постели и представляла, как они катаются с Лешей на его белой птице – он впереди, Настя, обхватив его за талию и положив голову ему на спину, позади. Когда прозвенел будильник, полет все еще продолжался, только уже во сне – сладком сне, от которого совершенно не хотелось пробуждаться.

На следующий день должен был состояться конкурс чтецов. Настя немного волновалась – все-таки выступать предстояло на сцене центрального Дома культуры перед учителями и учениками из всех школ города. Они снова и снова обсуждали с Зоей Михайловной, как передать атмосферу зимней сказки, как воспроизвести мелодию парения невесомой снежинки.

Вечером Настя повторяла стихотворение, пытаясь понять и прочувствовать его максимально глубоко. В одном месте произведения она передавала голосом движение, бурную жизнь, в другом – усталость жизненного пути. Ей хотелось, чтобы, даже не слушая слова, а лишь ощущая эмоциональный фон, мелодию, ритм ее голоса, слушатели могли сказать: «Да, жизнь снежинки скоротечна, но насыщенный событиями период ее полета – это настоящее чудо».

Настя крепко спала всю ночь. Утром девочка все еще думала о «Снежинке». После пятого урока 8 б выстроился колонной, следующей за блоком 8 а. Длинная вереница, состоящая из учеников 7—9 классов с учителями во главе, двинулась к Дому культуры, расположенному на соседней улице.

Когда они вошли в зрительский зал, там уже было много народу. Зал гудел, как растревоженный улей с пчелами. Зоя Михайловна отвела Настю за кулисы – туда, где готовились к конкурсу чтецы.

Настя нашла в коморке стульчик, уселась на него и постаралась сосредоточиться. Доносящийся из зала гул мешал и сбивал с толку.

Вскоре один за другим на сцену начали выходить чтецы. Девочка из 7 а так звонко прокричала произведение Есенина, что Настя сразу сообразила – это она от страха верещит изо всех сил. Незнакомый мальчик из другой школы наоборот рассказал стихотворение так, что его вряд ли услышало даже жюри, члены которого сидели за столами прямо перед сценой. Видимо, в жюри вошли учителя литературы из разных школ – Настя видела, как прошла и села за один из этих столов Зоя Михайловна.

Девочка подошла к занавесу и осторожно заглянула в щель – зал был полон. Здесь собрались чтецы из всех трех школ города, их одноклассники в качестве групп поддержки, учителя. Настя возвращалась к своему стулу, но вдруг замерла на полпути. Ведь если сюда пришли ученики 7—9 классов из всех школ, то вполне вероятно,…да, так оно и есть,…где-то в зале сидит Леша. Восьмиклассница вернулась к занавесу. Она внимательно осмотрела ряды, но того, кого она привыкла видеть верхом на белой птице, не нашла.

Настя думала о том, что когда она выйдет на сцену, Леша ее увидит и узнает, конечно. Может быть даже он подойдет к ней, после того как она выступит. «Зачем это ему? – спорила девочка сама с собой. – Ведь у меня сейчас нет в руках мешка с фурхами». «Да вот хотя бы чтобы спросить, куда это я скрылась в прошлый раз», – отвечала Настя-оптимистка Насте-скептику.

За всеми этими размышлениями она не заметила, как подошла ее очередь выступать. Десятиклассница, у которой был список чтецов, и которая следила за порядком, едва нашла Настю.

– Нефёдова! Кто здесь Нефёдова? Через два человека – на сцену!

Оказавшись на ярко освещенной сцене, Настя продолжала вглядываться в зал в поисках Леши. Тщетно. Девочка набрала в легкие воздух, чтобы выдать ставшие уже родными слова:

Светло-пушистая,
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!

И тут она поняла, что не помнит, следующее четверостишие. Вообще ничего не помнит. Лишь первые строчки не вывалились из чердака памяти, зацепились каким-то образом в сознании. Настя беспомощно посмотрела на Зою Михайловну – лицо учительницы казалось непроницаемым. Девочка понадеялась, что как только начнет выступление снова, произнесет первые строчки стихотворения, остальной текст каким-то чудом всплывет в памяти.

Чуда не случилось. Настя осеклась, остановилась и попыталась начать в третий раз. И опять с тем же результатом. В зале зашумели. Да, такого на конкурсе еще не было – конкурсантка не знает произведения, с которым должна выступать. Настя ушла за кулисы.

Девочка очень быстро накинула куртку, стараясь не замечать направленных на нее взглядов. Она почти бегом пересекла зрительный зал и выскочила в фойе. Здесь было пусто и спокойно, только в дальнем конце помещения прохаживалась, заложив руки за спину, безразличная к Настиной трагедии гардеробщица.

Девочка вышла на улицу. Светило солнце, с крыши ДК капала вода. Подтаивал снег, таяла последняя неделя зимы. Настя подумала о том, что совсем скоро в воздухе будет витать ни с чем несравнимый аромат предвкушения весны, потекут ручьи, весело защебечут птицы. Только ее, Настю, это уже никогда не будет радовать, потому что теперь до скончания веков она будет помнить, как опозорилась на конкурсе чтецов. Каждый раз при виде ее одноклассники станут хихикать и показывать пальцем. Может быть, ей даже придется перейти в другую школу. А Зоя Михайловна… Она надеялась на Настю, верила в нее, а та…

Спираль депрессивных мыслей раскручивалась все быстрее, быстрее. Восьмиклассница почувствовала, как защипало в носу, глаза наполнились слезами. Настя стояла на узенькой дорожке справа от Дома культуры, уверенная, что здесь, под елями, ее никто не увидит.

Вдруг в самый разгар приема приторной невкусной микстуры из стыда, чувства неполноценности и вины Настя улетела в сугроб, прямо под елку слева от дорожки. Мало того, на нее посыпались комки снега. Настя настолько растерялась, что даже не пыталась встать.

В следующий миг показалась смеющаяся Димкина физиономия. Сосед по парте напевал дурным голосом:

– У Настьки случился провал в памяти, с кем не бывает. Может, ей на голову упал кирпич, может, ее подменили инопланетяне, может, она забыла дома ту извилину, на которую было записано стихотворение, может, она решила посмотреть, как Зоя Михайловна падает в обморок, может, это был такой актерский ход для привлечения внимания. Но скорее всего, Настя просто уста-а-а-а-ала быть па-а-а-аинкой, – провыл Димка, забрасывая Настю снегом. Впрочем, в лицо он старался не попадать.

Настя не сообразила, как это произошло, но вдруг обнаружила, что хохочет. Хохочет, валяясь под елкой, как ненормальная. Димка помог ей встать.

– Расслабься, у меня тоже такое было. Географичка грозилась двойку в четверть влепить, если не подготовлюсь к уроку. Я реально учил весь вечер. Вышел к доске – и ничего не помню. Это от волнения.

– Ага, бедненький Дима на географии разволновался, – Настя опять принялась хохотать.

Она думала, мальчишка сейчас запульнет в нее снегом, обидевшись на «бедненького Диму», но он стоял, не шевелясь, и как-то странно смотрел на нее смеющуюся.

Потом они медленно брели по аллее вдоль елок и дальше – к выходу из территории ДК.

– Ну, пока Дим. Спасибо, что вывалял меня в снегу. Мне, правда, стало легче.

– Всегда готов… вывалять.

Прохожие на противоположной стороне улицы вздрогнули от Димкиного хохота.

Дома Настя забралась с ногами в кресло, обхватила колени руками и принялась рефлексировать. Ей хотелось понять, как это все-таки так вышло, что она забыла стихотворение, которое отлично знала. Через час она пришла к выводу, что Димка прав – это перенапряжение. Неприятности в семье, фурхи, Леха – калейдоскоп впечатлений и эмоций. Вот сознание и взбунтовалось.

Было по-прежнему совестно, что она подвела Зою Михайловну и одноклассников, но отчаяние отступило. Настя набрала Ленкин номер.

– Сильно там все смеялись?

– Кто и где? – искренне изумилась Лена.

– Наша параллель после моего выступления.

– А что там случилось с твоим выступлением? Меня Вовка уговорил улизнуть потихоньку. Мы в кафе ходили.

– Вау! Поздравляю, ваши отношения развиваются.

Ленка довольно захихикала.

9

Папа вернулся с работы неожиданно рано – еще до того, как домой пришла мама. Насте хотелось забраться к нему на колени, как в детстве, и рассказать о провале на конкурсе чтецов. Хотелось уткнуться ему носом в плечо и тихонько всхлипывать. И чтобы отец гладил по волосам, и чтобы не думать ни о чем.

Отец развил бурную деятельность – поджаривал макароны с сосисками себе на ужин, одновременно смотрел футбольный матч по телевизору, периодически пробегался по залу и комнате в поисках каких-то бумаг. Разумеется, забраться к нему на колени не было никакой возможности. «Да и прошли уже те времена, когда папа мог решить все мои проблемы», – подумала Настя и отправилась в комнату делать уроки.

Ночью она снова она охотилась, постоянно мониторя обстановку вокруг себя, непрестанно сканируя взглядом ночное пространство. Леха появился, когда набралось еще только четверть мешка мерзких тварей. Настя заметила его издалека и решила, что вполне успеет поймать крупную особь, которая мчалась через двор по направлению к пятиэтажке. Вероятно, зверь хотел укрыться в подвале, – так делали многие фурхи.

Леша настиг Настю, когда та уже протянула руку, чтобы схватить серое животное. Белая птица под управлением парня пнула охотницу головой в бок. Девочка сумела усидеть верхом, однако зверь воспользовался секундной передышкой и удрал. Испуганный фурх метнулся вправо, беспорядочно забегал по детской площадке.

Настя все еще могла поймать обезумевшего зверя: она стрелой полетела на противоположный конец площадки, где под качелями укрылся фурх.

Они с Лешей оказались там одновременно. Настя спрыгнула с птицы, оставив мешок в клюве у своей верной соратницы. Девочка шарила рукой под качелями, пытаясь схватить шипящего беглеца. Леха с другой стороны качелей, старался вытащить фурха, чтобы отпустить его восвояси. Напуганный зверь издавал леденящие кровь звуки, которых просто не могло существовать в нормальном реальном мире.

Настя ощущала какой-то щенячий восторг от этого состязания. Азарт, казалось, сконцентрировался в виде осязаемого облака в воздухе над качелями. Две огромные птицы невозмутимо взирали на ребят, сидя на деревьях в противоположных концах двора.

Наконец Лехе удалось схватить фурха. Он вытащил его и отшвырнул от качелей. Мерзкое животное помчалось с такой скоростью, какой Насте еще не доводилось наблюдать у фурхов. Через секунду жертва азарта скрылась в подвале.

– Ты… ты, – Настя не могла подобрать подходящее слово, чтобы отплатить за проигрыш.

Их разделяли качели, иначе она опять постаралась бы огреть его как следует. Леша не говорил ни слова. Постепенно облако азарта рассеялось, растворилось в воздухе. Оба сообразили, как забавно они выглядели, гоняя фурха под качелями, и рассмеялись почти одновременно.

– Не злись. Хорошеньким девушкам не к лицу злиться. Рав-но-весие. Наша задача – сохранять равновесие – ничего личного.

Настя кивнула.

– А давай, я тебя на качелях покачаю?

Настя снова кивнула и уселась на деревянное сиденье, стараясь не касаться спиной железной спинки, хотя и знала, что во время этих ночных рейдов ей неведомы холод и боль.

Леха взялся за одну из перекладин и несильно потянул в сторону. Качели пришли в движение.

– Как ты думаешь, если кто-то, страдающий бессонницей, выглянет сейчас в окно, что он увидит? – спросил парень.

– Я думаю, пустые качели, – предположила Настя. – Может быть, пустые раскачивающиеся качели.

– А почему ты думаешь, что он не увидит двух одетых по-летнему молодых людей на площадке?

– Недаром же мы не чувствуем холода, – рассуждала девочка. – Наверное, это не совсем мы. Я имею в виду, не в нашем физическом телесном обличье.

– Может бы-ы-ыть, – задумчиво протянул Леша, устремив взгляд вдаль.

– А ты в какой школе учишься? – задала Настя вопрос, который интересовал ее давно.

Она вспомнила, что он вполне мог быть в зале, когда она опозорилась на конкурсе чтецов. Девочка покраснела, но в слегка разбавленном светом фонаря полумраке Леша не мог этого видеть.

– В пятой школе, в 9 а. А ты?

– Постой, но в городе три школы.

Леха удивленно посмотрел на нее. Три? Да нет же пять школ – моя – на Перелесской.

– Я не знаю такой улицы. Я учусь в первой, что на Школьном переулке.

– Первая школа на площади Маркса.

Лехин голос в полной мере передавал его крайнее изумление.

– Слушай, – сказал он после минутной задумчивости, – мы, скорее всего, в разных реальностях живем.

– О-о-о-х, – выдохнула невольно Настя, не сумев скрыть разочарования.

– Насть, ты представляешь, я видел фурхов в реальной жизни, – вдруг вспомнил Леха. – Однажды вечером возвращался из кино. Уже стемнело – практически ночью это случилось. Увидел драку в подворотне. Присмотрелся – а там мой друг Витька. Пришлось вмешаться. Потом смотрю – фурхи вокруг нас. Появляются из неоткуда и убегают.

– Я тоже видела их. Ну, почти что видела. Я чувствовала, что они есть. – Насте не хотелось рассказывать ему всю эту безумную историю с запиской для Вероники. – Так значит, нам все это не снится?

– Видимо, нет.

Леха снова впал в задумчивость. Настя почему-то ощутила себя одинокой, чужой ему, и от этого ощущения было жутко неуютно.

– Полечу-ка я домой, в теплую постельку, – сказала она.

– В теплую постельку? – Леша приподнял одну бровь, а потом рассмеялся. – Давай. Увидимся еще.

Настя была слишком возбуждена, чтобы уснуть. В голове порхали мысли – разноцветные бабочки. Самая красивая, золотистого цвета, – бабочка-мысль о том, что Леха назвал ее хорошенькой. Изумрудного цвета крылатая красавица – это размышление о том, почему же он пожелал покатать ее на качелях. Не потому ли, что ему хотелось подольше побыть с ней рядом?

Серая бабочка с металлическим отливом – так выглядело Настино предположение, что Леша поздно возвращался из кино из-за того, что провожал домой девушку, с которой он и смотрел фильм. Коричневое насекомое с черными пятнышками на крыльях являлось желанием узнать, о чем парень думал, когда казалось, что он не видел и не слышал Настю, когда смотрел куда-то вдаль или, скорее, в никуда. Другие бабочки были менее крупными. Все вместе они создавали настоящий сумбур в голове, бестолково шурша крыльями, мелькая перед мысленным взором, мешая уснуть.

Утром все же нужно было идти в школу, и того хуже – получить порцию общественного мнения по поводу ее выступления на конкурсе чтецов.

Настя вошла в класс – ничего. Никакого улюлюканья, никаких подколок. Девочка направилась к своему месту.

– Привет. Алгебру дашь списать? – поинтересовался Дима деловито.

– Привет. Бери, – Настя достала тетрадь из сумки и протянула соседу по парте.

Димка принялся писать. Насте очень хотелось спросить у него, что говорили в классе о конкурсе чтецов, пока ее не было. Однако Дима сосредоточено списывал. Кроме того, гордость голосовала против расспросов.

Сразу же после звонка в класс вошла Зоя Михайловна. Видимо, на нее всеобщий приступ понимания и деликатности не подействовал.

– Ну и что, Нефёдова, с тобой вчера случилось?

Настя встала.

– Извините, Зоя Михайловна, я, наверное, переволновалась. Стихотворение стерлась из памяти.

– Садись, Нефёдова.

Классная руководительница укоризненно покачала головой, затем начала урок.

Чудеса продолжались. Никто в классе и слова не сказал, не пошутил по поводу Настиной амнезии, даже не хихикнул.

На перемене Анька предложила пойти в холл, к зеркалу, поправить прически. Настя согласилась, хотя их хвостики вряд ли нуждались в рестайлинге. Правда, у Ани была еще и челка.

– Вау, сегодня Димка утром сказал: «Давайте не будем напоминать Насте о вчерашнем». В общем, уболтал весь класс. Он у тебя рыцарь.

– Так вот в чем дело. А почему собственно «у меня»? Это он, видимо, волновался, что я расстроюсь и алгебру списать не дам.

Анька пожала плечами.

Возле зеркала крутились девчонки из старших классов – пришлось подождать, пока они отойдут. Как только Настя, наконец, смогла взглянуть на свое отражение, кто-то схватил ее за руку и уволок к стене.

– Настька! Выручай, – Ленка смотрела на подругу так, будто от той зависела ее жизнь или смерть. – Родители сказали, что пустят меня в клуб в субботу, если только ты пойдешь тоже.

– А знаешь, почему они так сказали? Потому что они знают, что меня ни за что не отпустят мои родители.

– Ой, ну, что ты, как маленькая. Когда-то нужно начинать.

– Ладно, Лен, я спрошу у мамы.

10

Подходящий момент спросить про дискотеку представился вечером – мама казалась умиротворенной, папа был дома. Родители смотрели какой-то фильм.

– Мам, можно пойти в субботу на дискотеку?

– Ой, Насть, а не рано ли тебе. Находишься еще по дискотекам, подрасти пока.

– Девочке уже практически 15, – живо отозвался отец. – А дискотека то эта в двух шагах от дома, пусть сходит. Что тут такого?

Настя улыбнулась отцу.

– Ну, если отец так считает, то иди, деточка, развлекайся в этом гадюшнике.

– Откуда ты знаешь, что там гадюшник?

Насте показалась, что папу этот спор забавляет.

– В таких местах всегда гадюшник, – с достоинством ответила мама.

– И в 11 чтоб была дома, – обратилась она к дочери, взглянув на нее пронзительно для пущего эффекта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.